

ЭНДРЮ МАЙКЛА ХЁРЛИ

Победитель COSTA FIRST NOVEL AWARD

ЛОУНИ

«Удивительное художественное произведение»
Стивен Кинг

Эндрю Хёрли

Лоуни

«РИПОЛ Классик»

2014

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)6-44

Хёрли Э. М.

Лоуни / Э. М. Хёрли — «РИПОЛ Классик», 2014

ISBN 978-5-386-09970-1

Атмосферный, леденящий кровь, мистический роман начинающего английского писателя. Книга, мгновенно ставшая бестселлером, по праву была названа «живой классикой готики» и получила одобрение самого Стивена Кинга. Лоуни — странное пустое место, расположенное на побережье Англии. Отправляясь вместе со своей семьей в паломничество к здешней святыне, пятнадцатилетний подросток даже не подозревал, с чем ему предстоит столкнуться в этом жутком, унылом краю. Пугающие чучела, ужасные ритуалы, необычное поведение местных жителей, скрывающих страшную тайну, внезапный оползень и обнаруженный труп младенца, выпавший из старого дома у подножия скал...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)6-44

ISBN 978-5-386-09970-1

© Хёрли Э. М., 2014
© РИПОЛ Классик, 2014

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	20
Глава 5	32
Глава 6	40
Глава 7	44
Глава 8	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Эндрю Майкл Хёрли Лоуни

Посвящается Рею и Розали

*Когда же те выходили, то привели
к Нему человека немого, бесноватого.
И когда бес был изгнан, немой стал говорить.
И народ, удивляясь, говорил:
Никогда не бывало такого явления в Израиле.
А фарисеи говорили: Он изгоняет бесов
Силою князя бесовского.*

Матфей. 9:32—34

*И что за чудище, дождавись часа,
Ползет, чтоб вновь родиться в Вифлееме.*

У. Б. Иейтс. Второе пришествие

Книга издана при поддержке Британского Совета в рамках Года языка и литературы Великобритании и России 2016.

Перевод с английского Е. Г. Богдановой

© 2014 by Andrew Michael Hurley.

All rights reserved

© Богданова Е. Г., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2017

Глава 1

Уходящая осень со всей силой обнаружила свой неистовый нрав. На Пустоши от Кенвуда до Парламент Хилл шторм за несколько часов расправился с буйством осенних красок, оставив после себя мертвые стволы немногочисленных старых дубов и берез. Мгла и тишина воцарились над местностью, и несколько дней спустя там не осталось ничего, кроме запаха гниющих листьев и кострищ.

Я просидел целый день за компьютером, заноса в него все, что произошло тогда, и в результате пропустил визит к доктору Бакстеру. Он посоветовал мне не волноваться. Ни по поводу консультации, ни по поводу деревьев. И он, и природа переживут. Обстоятельства никогда не бывают так плохи, как кажутся.

Наверно, он по-своему прав. Мы легко отделались. На севере были затоплены железнодорожные пути, бурая речная вода залила целые деревни. Показывали людей, вычерпывающих воду из гостиных своих домов, вдоль шоссе проплывали мертвые туши домашних животных. А под конец пришла новость о внезапном оползне в Стылом Кургане и обнаруженном трупике младенца, выпавшем из старого дома у подножия скал.

Стылый Курган... Давненько я не слышал о нем. Тридцать лет прошло. Никто из тех людей, которых я знал, с тех пор не упоминал о Стылом Кургане, да и сам я приложил немало усилий, чтобы забыть о нем. Но, думаю, я всегда знал, что рано или поздно то, что там произошло, выплывет наружу, как бы мне ни хотелось сохранить те события в тайне.

Я лежал на кровати и размышлял, не позвонить ли Хэнни. Если он уже слышал новость, то как он ее воспринял? Я в общем-то никогда не спрашивал о его воспоминаниях, если они у него были. Но что сказать, да и с чего начать, я не знал. И в любом случае, Хэнни непросто было застать. Он был занят своими церковными делами, его всегда вызывали куда-нибудь помочь старикам и больным, он постоянно заседал в каких-то комитетах, выполняя свои многочисленные обязанности. Едва ли имело смысл оставлять ему сообщение, и уж точно не об этом.

Его книжка стояла на полке вместе с другими, старыми, в мягких обложках, которые я годами все никак не соберусь отдать на нужды благотворительности. Я взял ее, провел пальцем по выпуклым буквам названия, потом заглянул на четвертую страницу. Хэнни и Кэролайн в одинаковых белых рубашках и два мальчугана, Майкл и Питер, веснушчатые, с широкими улыбками. Родители обнимают их – счастливая семья пастора Эндрю Смита.

Книжка вышла почти десять лет назад, и мальчики уже выросли. Майкл учился в выпускном классе колледжа «Кардинал Хьюм», а Питер проходил последний год обучения в «Корпус Кристи». Но Хэнни и Кэролайн совсем не изменились с тех пор – молодые, уравновешенные, все так же любят друг друга.

Я направился к полке, чтобы поставить книгу на место, и тут заметил, что за суперобложку засунуты несколько газетных вырезок. Хэнни посещает хоспис в Гилдфорде. Рецензия на его книгу в «Ивнинг Стандарт». Интервью «Гардиан», тогда сделавшее его по-настоящему известным. И заметка, вырезанная из Американского евангелического журнала, о поездке по университетам Юга.

Успех книги «Моя вторая жизнь с Господом» оказался неожиданным для всех, и прежде всего для самого Хэнни. Она стала одной из тех книг, что – как там они выразились в газете? – захватывают воображение и отражают дух времени. Наверно, было в ней что-то такое, что людям нравилось, как-то так... Она обрелась в первой двадцатке бестселлеров много месяцев и принесла издательству приличный доход.

Все слышали о пасторе Смите, даже если не читали его книги. Теперь же благодаря новостям из Стылого Кургана о нем, похоже, снова услышат, если только я сам не возьмусь за это дело и не ударю, так сказать, первый.

Глава 2

Возможно, это странное пустое место между Вайр и Лун и называлось как-то по-другому, но я никогда об этом не слышал. Местные называли его Лоуни – Глушь. Хэнни и я ездили туда каждый год на Пасху с Матерью, Родителем, мистером и миссис Белдер-босс и отцом Уилфридом, приходским священником. Мы проводили там неделю покаяния и молитвы – исповедовались и посещали обитель Святой Анны в чайниках обрести Господа в эту пору начала весны, хотя вряд ли можно было назвать весной с ее бурлящей безудержностью то промозглое состояние природы, порожденное уходящей зимой.

Плоская, лишенная выразительности местность Лоуни, эта безлюдная полоска английского побережья, таила в себе опасность. Приливы и отливы, чередующиеся с завидной периодичностью, превращали Стылый Курган – пустынный мыс, выдающийся на милю в море, – в остров. Прилив нарастал с невероятной скоростью, и каждый год там тонуло немало людей. Злополучные рыбацкие лодки сбивало с курса и выбрасывало на мель. Падкие до легкой наживы собиратели ракушек, не понимая, с чем имеют дело, в отлив загоняли свои грузовички на песок, а недели спустя их трупы с позеленевшими лицами и лопнувшей кожей выбрасывало волной на берег.

Трагические случаи иногда становились темой новостей, но ненасытность Лоуни была настолько очевидной и неизбежной, что чаще эти преданные забвению души так и уходили, чтобы соединиться с бесчисленным множеством других, что веками гибли здесь в попытках покорить это место. Тут и там можно было отыскать свидетельства старых промыслов: разрушенные штормами камни волнорезов, заброшенные причалы, покрытые водорослями и песком, целый ряд черных полусгнивших опор, постепенно исчезающих в тине, – когда-то здесь был переход к Стылому Кургану. Были здесь и другие, более загадочные сооружения – обломки построенных на скорую руку сараев, где потрошили макрель для продажи на далеких от моря рынках, сигнальные башни на ржавеющих растяжках, остов деревянного маяка на самом краю мыса, что когда-то указывал путь морякам.

Постичь Лоуни до конца было невозможно. Местность менялась всякий раз, когда волна набегала и отступала, и низкая вода обнаруживала скелеты тех, кто считал, что знает это место достаточно хорошо, чтобы спастись от коварных течений. Это были животные, иногда люди. Однажды на старом переезде был отрезан водой и утонул погонщик со своими овцами, и после их гибели Лоуни больше ста лет продолжал выбрасывать на берег их кости, все доказывая и доказывая свою силу людям.

Те, кто имел хоть какое-то представление о Лоуни, и близко не подходили к воде. Точнее говоря, никто, кроме нас и Билли Тэппера.

* * *

Билли был местный пьяница. Все его знали. Его нравственное падение было, наряду с погодой, встроено в местную мифологию, и для таких людей, как Мать и отец Уилфрид, он стал попросту своего рода подарком: яркий пример того, что может сделать с человеком пьянство. Билли был не человек, а наказание.

Легенда гласила, что раньше он был учителем музыки в средней школе для мальчиков, а может быть, директором школы для девочек в Шотландии, или где-то южнее, или в Халле, да Бог знает где. Каждый рассказывал историю этого бедолаги по-своему, но все сходились в одном: пьянство довело его до сумасшествия, а про его чудачества ходило бесчисленное число баек. Он жил в пещере. Он кого-то убил молотком в Уайтхейвене. У него где-то есть дочь.

Он верил, что если составит определенную комбинацию из камешков и ракушек, то станет невидимкой. Он нередко вваливался в «Колокол и якорь» в Литл-Хэгби, брэнча собранной в карманы галькой, и пытался отпить из чужих стаканов, думая, что его никто не видит. Отсюда и помятый нос.

Не знаю, что из этого было правдой, да это и не важно. Стоило вам увидеть Билли Таппера, и вы готовы были поверить во что угодно.

Впервые мы встретились с ним на мощенной булыжником бетонной автобусной остановке на дороге, что вилась вдоль побережья от Моркама к Нот-Энд. Должно быть, году в 1973-м, когда мне было двенадцать, а Хэнни – шестнадцать. Родитель не сопровождал нас. Он уехал рано утром вместе с отцом Уилфридом и мистером и миссис Белдербосс за двадцать миль взглянуть на витраж в одной деревенской церкви, где, судя по всему, сохранилось великолепное окно в неоготическом стиле на сюжет «Иисус, усмиряющий воды». Так что Мать решила взять нас с Хэнни в Ланкастер, чтобы купить еды и сходить на выставку старинных Псалтырей, проходившую в библиотеке. Мать никогда не упускала возможности лишний раз вразумить нас по поводу истории нашей веры. Билли ехал туда же, что и мы, если судить по картонной табличке, висевшей у него на шее, одной из нескольких десятков, призванных информировать водителей автобусов о том, куда ему надо было попасть.

Билли ворочался во сне, и тогда нам открывались другие места, где он побывал или куда ему, возможно, предстояло отправиться: Кендал, Престон, Манчестер, Халл. В этом последнем проживала его сестра, согласно записи на квадратике ярко-красного картона, нанизанном на отдельный шнурок от ботинка, болтавшийся у него на шее. Запись содержала ценную информацию на случай чрезвычайной ситуации: его имя, телефон сестры и предупреждение крупными буквами об аллергии на пенициллин.

Этот факт необыкновенно заинтересовал мое детское воображение. А что будет, если Билли все-таки введут пенициллин? Неужели можно навредить ему больше, чем он уже навредил сам себе? Никогда мне не приходилось видеть человека, так плохо относившегося к собственному телу. Пальцы и ладони Билли были изъедены грязью, в морщинах, сплошь покрывавших лицо, скопилась чернота. Нос сломан, глаза вдавлены глубоко внутрь черепа. Волосы напоздали на уши и спускались на шею цвета синей морской воды, сплошь покрытую татуировками.

Было что-то героическое в отказе Билли от мыла, думал я, если вспомнить, как регулярно Мать скребла и терла нас с Хэнни.

Он завалился на сиденье, рядом на полу валялась пустая бутылка из-под чего-то явно пагубного, на коленях его лежала маленькая заплесневевшая картофелина, которая странным образом успокаивала меня. Казалось правильным, что у него должна быть только сырая картофелина. Именно так, по моим представлениям, должны были питаться бродяги, шатавшиеся по городам и весям в поисках очередного куска. Эти люди ловили попутки. Крали, когда была возможность. Пробирались «зайцами» в поезда. Говорю, бродяжничество для меня в то время не было лишено своего рода романтики.

Во сне Билли разговаривал сам с собой, и в карманах его что-то перекачивалось, как будто и вправду, как все утверждали, они были набиты камешками. Он сетовал на кого-то по имени О'Лири, который задолжал ему и так и не вернул долг, хотя у него была лошадь. Когда Билли проснулся и увидел нас, он постарался принять трезвый вид, осклабился немногими оставшимися черными зубами и приподнял берет, приветствуя Мать, которая мельком улыбнулась, но, мгновенно оценив его, как привыкла это делать с чужими, уселась, храня наполовину оскорбленное, наполовину опасливое молчание, не сводя глаз с пустынной дороги, будто это могло помочь автобусу быстрее доехать до места.

Подобно большинству пьяниц, Билли обошелся без бесед о погоде и сразу же вывалил свое кровоточащее разбитое сердце, как кусок сырого мяса, прямиком мне в ладони.

– Не принимайтесь за это дьявольское питье, парни. Я все потерял из-за этой дряни, – заговорил он, подняв бутылку и с жадностью допивая остатки. – Видите шрам?

Он поднял руку. Рукав задрался и обнажил красный рубец длиной от кисти до локтя. Рубец проходил через вытатуированные кинжалы и грудастых девиц.

– Знаете, как это случилось?

Я покачал головой. Хэнни не сводил с Билли глаз.

– Упал с крыши. Кость пропорола руку, – вздохнув, сказал он и с помощью пальца показал, под каким углом локтевая кость вышла наружу. – Курева не будет?

Я снова покачал головой, и Билли вздохнул:

– Хрень собачья. – И без всякой связи с предыдущим добавил: – Так и знал, лучше мне было остаться в Кэттерике.

По Билли не скажешь, но, по-моему, по возрасту он должен был успеть повоевать, хотя этот бродяга даже отдаленно не напоминал тех суровых красивых ветеранов, что периодически появлялись у меня в комиксах «Коммандо». И действительно, когда Билли заходился в приступе кашля и, чтобы вытереть рот, стаскивал берет, спереди мелькал скособоченный кусок металла – это была кокарда.

Может быть, именно война и толкнула беднягу на путь пьянства, подумалось мне. С людьми происходят странные вещи, говорил Родитель, как будто война сбивает им все ориентиры.

Как бы там ни было, мы с Хэнни пожирали Билли глазами. Мы упивались его неопрятностью, исходившим от него непривычным, мерзким зловонием. Такое же пугающее возбуждение мы испытывали, когда нам приходилось проезжать через «плохой», по мнению Матери, район Лондона. Оказавшись в лабиринте домов, прилепленных к фабрикам и свалкам, мы вертелись на сиденьях, впиваясь глазами в лохматых, с вылупленными глазами детей, у которых вместо игрушек были деревянные и металлические обломки, отодранные от валявшейся тут же, во дворе, старой мебели. Рядом женщины в фартуках выкрикивали непристойности в адрес мужчин, вываливающихся из соседних пабов. Это был обезьянник, где царило вырождение. Безблагодатный мир!

Билли бросил взгляд на Мать и, не сводя с нее глаз, потянулся к пристроенному между ступней пластиковому пакету. Оттуда он вытащил горсть обрывков бумаги и сунул их мне в руку. Они были вырваны из так называемого грязного журнала.

Билли подмигнул мне и снова прислонился к стенке остановки. При появлении автобуса Мать встала и подала водителю знак рукой, чтобы он остановился. Я быстро спрятал картинки поглубже.

– Что ты делаешь? – спросила Мать.

– Ничего, – буркнул я.

– Вот и брось паясничать и помоги Хэнни.

Я принялся уговаривать Хэнни встать на ноги, поскольку надо же было сесть в автобус, но он не шевелился. Он улыбался и смотрел мимо меня на Билли, который к этому моменту уже снова заснул.

– Что там такое, Хэнни? – спросил я.

Он взглянул на меня, потом снова на Билли. И тут я понял, на что он смотрел: на коленях Билли лежала не картофелина, а его собственный пенис.

Автобус остановился, и мы вошли. Водитель, не глядя на нас, свистнул Билли, но тот не просыпался. После еще одной попытки разбудить его водитель покачал головой и нажал на кнопку. Двери закрылись. Мы уселись. Было видно, что штаны Билли потемнели спереди. Мать с досадой отвернула наши физиономии от окна, так чтобы мы смотрели на нее.

– Имейте в виду, – заявила она, когда автобус тронулся, – этот человек уже сидит внутри вас. Всего несколько неверных шагов, и он вырвется наружу, можете мне поверить.

Мать держала сумочку на коленях и смотрела вперед. Непристойные картинки я крепко зажал в кулаке, другую руку сунул под пальто и стал нажимать пальцами на живот, пытаюсь нащупать зерно испорченности, которому достаточно подходящей греховной среды, чтобы прорасти и распространиться, подобно сорным травам.

Это же так легко. Пьянство быстро завладевает человеком и превращает его в своего раба. Отец Уилфрид всегда так говорил.

Когда Мать рассказала ему в тот вечер о Билли, он только покачал головой и вздохнул:

– Чего можно ожидать от такого человека, миссис Смит? От того, кто отвращен от Господа?

– Я сказала мальчикам, что им следует помнить об этом, – заявила Мать.

– И совершенно справедливо, – отозвался священник, сняв очки. Протирая их рукавом, он поглядывал на нас с Хэнни. – Узнавать обо всех мерзостях Сатаны должно стать их делом.

– А мне, пожалуй, жаль его, – сказала миссис Белдербосс.

– Мне тоже, – отозвался Родитель.

Отец Уилфрид снова надел очки. На его лице мелькнула снисходительная улыбка.

– Что ж, добавьте свою жалость к уже полной чаше. Жалость – единственное, в чем у пьяниц нет недостатка.

– Все-таки он, должно быть, хватил лишений в жизни, раз оказался в таком положении, – заметила миссис Белдербосс.

Отец Уилфрид презрительно усмехнулся:

– Думаю, вряд ли он знает, что такое лишения в жизни. Уверен, мой брат мог бы рассказать столько же, сколько и я, о настоящей бедности, о настоящей борьбе. Правда, Реджинальд?

Мистер Белдербосс кивнул:

– В Уайтчепел всем пришлось несладко. Работы не было. Детишки голодали.

Миссис Белдербосс сочувственно тронула мужа за плечо. Отец Уилфрид откинулся назад и вытер рот салфеткой.

– Худший тип дурака этот человек, – сказал он. – Выбросил на ветер все, что имел... Растерял возможности. У него же, как я понимаю, была профессия. Учитель. И так бездарно собой распорядился.

Странная вещь, в детстве некоторые события были настолько очевидны для меня, а их последствия настолько неизбежны, что мне казалось, будто я обладаю неким шестым чувством, даром предвидения, как Илия или Иезекииль, которые предсказывали засуху и всеобщую погибель со столь обескураживающей точностью.

Я помню, как однажды в Пустоши, когда Хэнни качался над прудом, я знал, именно *знал*, что веревка порвется, и это произошло; точно так же я знал, что бездомную кошку, которую он принес из парка, переедет поезд метро и что Хэнни уронит выигранную на ярмарке банку с золотыми рыбками на пол в кухне, как только мы придем домой.

И точно так же я знал после того разговора за обедом, что Билли скоро умрет. Эта мысль явилась мне как непреложный факт, как что-то, что уже начало происходить. Никто не может так жить долгое время. Чтобы достичь столь прискорбного состояния, нужно приложить так много усилий, что я не сомневался: милосердный Бог, тот, кто отправил Иону во чрево кита, чтобы спасти его, и подсказал Ною насчет погоды, безусловно, должен вытащить Билли из бед.

Глава 3

Мы ездили в Лоуни на Пасху несколько лет подряд, и тот год стал для нас последним. После того вечера, когда отец Уилфрид за ужином читал нам наставления в отношении Билли Таппера, он как-то странно и необъяснимо изменился. Мы отнесли это на счет его возраста, в конце концов, поездка из Лондона была долгой, да еще такая нагрузка – утешать прихожан во время напряженной недели молитв и раздумий. Этого хватило бы, чтобы утешить и человека вдвое моложе его. Он устал. Вот и все.

Однако тот самый исключительный нюх на истинную суть вещей подсказывал мне, что дело здесь намного серьезнее. Что-то явно было не так.

После того как тема, связанная с Билли, полностью была исчерпана и все перебрались в гостиную, он ушел пройтись по берегу, а когда вернулся, это был совсем другой человек. Отрешенный. Как будто чем-то сраженный. Он довольно неубедительно пожаловался на расстройство желудка и пошел прилечь. Запирая за собой дверь, священник как-то очень громко щелкнул запором. Через некоторое время из его комнаты слышались звуки. Это были рыдания. Я никогда прежде не слышал, чтобы мужчина рыдал, за исключением одного случая, но то был один из опустившихся на дно работяг, что раз в две недели приходили мастерить поделки с Матерью и другими дамами. А сейчас в этих звуках, доносившихся из-за закрытой двери, слышались страх и отчаяние.

На следующее утро, когда отец Уилфрид наконец встал, взлохмаченный и все такой же взвинченный, он пробормотал что-то насчет моря и ушел, прихватив с собой камеру, прежде чем кто-то успел спросить, в чем дело. Такая поспешность была совсем не в духе священника. И спать так долго он не привык. Отец Уилфрид был сам не свой.

Все долго смотрели, как священник идет по дороге, и решили, что лучше всего будет поскорее уехать отсюда. Без сомнения, оказавшись снова в Сент-Джуд, он быстро придет в себя.

Но и дома раздражение отца Уилфрида едва ли прошло. В проповедях он, казалось, старался более, чем обычно, делать упор на вездесущем зле, а при упоминании о паломничестве лицо его темнело и он впадал в состояние тревоги. Через какое-то время все перестали заговаривать о поездке в Лоуни. Когда-то мы туда ездили, вот и все.

Заботы захлестнули нас, и мы забыли о Лоуни вплоть до 1976 года, когда отец Уилфрид внезапно умер на Новый год. На его место в Сент-Джуд перевели отца Бернарда МакГилла, священника одного из неблагополучных приходов в Нью-Кросс.

После мессы по случаю вступления в должность отца Бернарда, во время которой епископ представил его пастве, на лужайке рядом с будущим домом было устроено чаепитие с пирожными, во время которого новый священник мог пообщаться с прихожанами в менее формальной обстановке.

Он сразу же расположил к себе людей и, как казалось, чувствовал себя непринужденно. Было в новом священнике какое-то обаяние, он умел расположить к себе людей, и тогда старички вокруг смеются, а женщины начинают прихорашиваются, не отдавая себе в том отчета.

Пока отец Бернард переходил от одной группы людей к другой, к нам с Матерью приблизился епископ, поглощенный попытками съесть большой кусок кекса с изюмом максимально приличным образом. Без своего облачения, в сливового цвета сутане, он сильно выделялся на фоне мирской публики, одетой в черное и коричневое.

– Он, кажется, приятный человек, ваша милость, – сказала Мать.

– Вполне, – отозвался епископ.

Его шотландский акцент почему-то напомнил мне промокший мох. Епископ смотрел, как в ответ на какие-то слова отца Бернарда мистер Белдербосс закатился смехом.

– В своем последнем приходе он чудеса творил, – улыбнулся епископ.

– Неужели? – отозвалась Мать.

– Он очень хорошо умеет убеждать молодых людей посещать церковь, – сказал, епископ, глядя на меня с обманчиво доброжелательной улыбкой учителя, который желает одновременно наказать и помочь и в результате не делает ни того, ни другого.

– Ну, мой-то парень прислуживает в алтаре, ваша милость, – объявила Мать.

– В самом деле? – отозвался епископ. – Великолепно! Отец Бернард прекрасно общается с подростками, как, впрочем, и с более зрелыми прихожанами.

– Раз он прибыл по вашему представлению, ваша милость, он уж точно справится, – сказала Мать.

– О, без сомнения, – ответил епископ, стряхивая крошки с живота тыльной стороной руки. – Он поведет вас по мирным водам, избегая скал и мелей, так сказать. На самом деле моя морская аналогия вполне уместна, – продолжал он, вглядываясь в то, что происходит на втором плане, и вознаграждая себя улыбкой. – Видите ли, я очень заинтересован в том, чтобы отец Бернард обратил вас к внешнему миру. Не знаю, как вы, а я придерживаюсь мнения, что вера, запертая в стенах привычного, загнивает.

– Ну, если вы так думаете, ваша милость... – начала Мать.

Епископ повернул к ней голову и снова улыбнулся с некоторым самодовольством:

– Правильно ли я улавливаю, что эта мысль вызывает у вас некоторое сопротивление, миссис...

– Смит, – сообщила Мать и затем, видя, что епископ ожидает ответа, продолжала: – Вполне возможно, ваша милость. Прихожане постарше не очень хотят, чтобы здесь что-то менялось.

– И не должны хотеть, миссис Смит, не должны, – согласился епископ. – Уверю вас, я бы предпочел, чтобы назначение нового священнослужителя стало частью органичного процесса, если хотите, молодым побегом старой лозы, плавным переходом, а не революционным взрывом. И в любом случае, я не предлагаю, чтобы вы отправились на край земли. Я подумал о том, что отец Бернард мог бы отправиться с группой прихожан в уединенное место на Пасху. Я знаю, что сердцу отца Уилфрида была дорога эта традиция, и сам я всегда считал ее очень достойной... Так вы сохраните память о своем старом священнике и получите шанс заглянуть в будущее. Это будет плавный переход, миссис Смит, как я говорил.

Гул голосов в саду перекрыло звяканье ножа о стеклянный стакан.

– Надеюсь, вы извините меня, – сказал епископ, прикасаясь к губам, чтобы стряхнуть крошки. – Долг призывает.

Он направился в сторону большого складного стола, установленного рядом с кустами роз; сутана хлопала его по лодыжкам, намокая в траве.

Когда епископ ушел, к матери сбоку приблизилась миссис Белдербосс.

– Вы так долго беседовали с епископом, – сказала она, игриво подталкивая Мать под локоть. – О чем же вы говорили?

Мать улыбнулась.

– У меня отличная новость, – объявила она.

* * *

Несколько недель спустя Мать организовала собрание заинтересованных сторон. Следовало ковать железо, пока горячо: епископ имел обыкновение менять свои взгляды. Мать

предложила, чтобы члены прихода пришли к нам домой обсудить, куда поехать, хотя сама она имела в виду одно-единственное место.

В отведенный вечер все пришли – шел мелкий дождь, – благоухая сыростью и съеденными обедами: мистер и миссис Белдербосс и мисс Банс, помощница священника по хозяйству, с женихом, Дэвидом Хоббсом. Они повесили пальто в тамбуре с потрескавшейся плиткой, где стоял неистребимый запах ног, и собрались в нашей гостиной, с беспокойством поглядывая на каминные часы. И хотя все было приготовлено для чая, пришедшие не могли расслабиться до тех пор, пока не прибыл отец Бернард.

Наконец звякнул колокольчик, и все поднялись, а Мать открыла дверь. На крыльце стоял ссутулившись отец Бернард.

– Заходите, заходите, – пригласила его Мать.

– Спасибо, миссис Смит, – отозвался священник.

– Все в порядке, преподобный отец? – забеспокоилась Мать. – Надеюсь, вы не слишком промокли?

– Нет, нет, миссис Смит, – улыбнулся отец Бернард, хлюпая водой в башмаках. – Я люблю дождь.

Улыбка Матери не скрыла ее сомнений: она подозревала, что отец Бернард иронизирует. Мать никогда не сталкивалась с такой чертой у священников. Отец Уилфрид всегда был исключительно серьезен.

– Хорошо для цветов, – все, что она могла произнести в ответ.

– Точно, – согласился отец Бернард. И обернулся на свою машину. – Скажите, миссис Смит, вы не против, если я приведу Монро? Он не любит оставаться один, а когда дождь стучит по крыше машины, он может малость чокнуться, понимаете?

– Монро? – переспросила Мать, глядя через плечо священника.

– Назвал в честь Мэтта.

– Мэтта?

– Мэтта Монро, – улыбнулся отец Бернард. – Монро – моя единственная слабость, я вам точно говорю, миссис Смит. Я долго совещался с Господом по его поводу, но, по-моему, Он махнул на меня рукой как на пропавшего.

– Извините, – ничего не могла понять Мать, – о ком вы говорите?

– Да вот тот дурень, видите, маячит в окне.

– Ваша собака?

– Точно.

– Думаю, все будет в порядке. Он же не будет, ну, вы понимаете, правда?

– О, не беспокойтесь, миссис Смит, он приучен. Просто подремлет немного.

– Все будет в порядке, Эстер, – вмешался в разговор Родитель.

Отец Бернард пошел к машине и вернулся с черным лабрадором, который чихнул на половику, отряхнулся и растянулся перед камином так, будто всю жизнь жил в нашем доме.

Мать предоставила отцу Бернарду единственное кресло рядом с телевизором, старое и потрепанное, зеленовато-бежевого цвета, которое она украшала салфеточкой с кружевной каймой, ровно раскладывая ее при помощи Родителя спиртового уровня, когда думала, что ее никто не видит.

Отец Бернард поблагодарил ее, вытер лоб носовым платком и опустился в кресло. Тогда и остальные последовали его примеру.

Мать щелкнула пальцами и бросила на меня взгляд, смысл которого был равносителен пинку под зад. Как и всегда во время любых мероприятий у нас в доме, моей работой было организовывать чаепитие и предлагать гостям пирожные. Поэтому я опустился на колени рядом со столом, налил отцу Бернарду чаю и поставил чашку сверху на телевизор, накрытый

крахмальной тканью, так же как были накрыты все распятия и статуи в церкви. Ведь теперь был период поста.

– Спасибо, Тонто, – сказал отец Бернارد, улыбаясь мне с заговорщическим видом.

Прозвище он мне придумал, когда прибыл в Сент-Джуд. Он был Одиноким Ковбой, а я – Тонто. Знаю, это детская игра, но, наверно, мне нравилось, что мы вдвоем с ним сражаемся бок о бок, как боевые товарищи в комиксах «Диверсант». Правда, я не знал с кем. С дьяволом, может быть, или с язычниками, чревоугодниками, расточителями... С теми людьми, которых отец Уилфрид научил нас презирать.

Слушая, как натужно скрипит под отцом Бернардом кресло, когда он устраивался поудобнее, я в очередной раз поразился его громадным размерам. Сын фермера из Антрима, лет тридцати, не больше, хотя и казался человеком средних лет – годы тяжелой работы не прошли даром. У отца Бернарда было тяжелое, мясистое лицо с расплоснутым носом, массивная шея, собираясь в складки, находила на воротник. Он был всегда аккуратно причесан, волосы тщательно смазаны маслом и производили впечатление прочной каски на голове. Но какое же ощущение неуместности вызывали его руки, когда он брал чашу для причастия или дароносицу! Крупные, красные, задубелые от работы в детстве на строительстве каменных стен и при отлавливании бычков, когда надо было сделать им насечки на ушах. Если бы не воротник его священнической одежды и мягкий, как кашемир, голос, то отца Бернарда можно было бы принять за привратника или грабителя с большой дороги.

Но, как я говорил, в Сент-Джуд все сразу его полюбили. Такой он был человек. Прямой, честный, доступный для общения. Мужчина с другими мужчинами, по-отечески внимательный с женщинами вдвое старше его. Но я чувствовал, что Мать оставалась при своем мнении. Она, конечно, выражала ему уважение, потому что он был священник, но только до тех пор, пока он в той или иной степени повторял отца Уилфрида. Но стоило ему допустить оплошность, Мать со сладкой улыбкой прикасалась к его руке.

– Отец Уилфрид обычно читал Символ веры на латыни, преподобный отец, но это не так важно, – высказалась она после первой, отслуженной отцом Бернардом мессы в Сент-Джуд.

Или:

– Отец Уилфрид обычно сам читал Благодарение. – Это когда отец Бернارد предложил мне прочитать молитву перед воскресным ланчем, Мать, похоже, хотела подловить его на мелочах.

Мы, мальчишки-прислужники, считали, что с отцом Бернардом было здорово – он нам всем дал прозвища, а после мессы частенько приглашал нас к себе домой. Отец Уилфрид нас, конечно, никогда к себе не приглашал, и даже для большинства взрослых нашего прихода его дом был местом, исполненным тайны, почти таким же священным, как молельня. А отец Бернارد, казалось, всегда был рад компании, так что, после того как серебро было вычищено и убрано на место, а ризы повешены в шкафчик, он забирал нас к себе, рассаживал вокруг стола и угощал чаем с бисквитами, а мы рассказывали друг другу истории под звуки Мэтта Монро¹. Правда, сам я не рассказывал. Я оставлял рассказы другим, предпочитая слушать. Или делал вид, что слушаю, в то время как мой взгляд скользил по комнате – я пытался представить себе жизнь отца Бернарда, что он делал, оставаясь один, когда никто не интересовался им как священником. Я не знал, бывают ли у священников минуты отдыха. Я имею в виду, например, что Родитель никогда не проводил свободное время, проверяя расطور на печной трубе или устанавливая теодолит в глубине сада. Поэтому мне представлялось несправедливым, что священник должен все время быть святым. Но, возможно, в этом

---

¹ Мэтт Монро – британский певец (1930–1985). – *Здесь и далее примеч. пер.*

случае все было по-другому. Возможно, быть священником – это как быть рыбой, то есть пребывать в состоянии пожизненного погружения.

* * *

Теперь, когда отцу Бернарду был налит чай, можно было обслужить остальных. Я разливал обжигающий напиток по чашкам – закончив один чайник, я брал другой – до тех пор, пока не осталась последняя чашка. Чашка Хэнни. Та, у которой на стенке нарисован лондонский автобус. Для него всегда была поставлена чашка, даже если он оставался в Пайн-лендс.

– Как Эндрю? – спросил отец Бернард, глядя на меня.

– Прекрасно, пресвятой отец, – сказала Мать.

Отец Бернард кивнул и изобразил улыбку на лице, означавшую, что он понял, что стоит за ее словами.

– Он ведь приедет на Пасху? – спросил отец Бернард.

– Да, – ответила Мать.

– Для вас, конечно, будет радостью видеть его дома, – улыбнулся отец Бернард.

– Да, – согласилась Мать. – Большой радостью.

Последовала неловкая пауза. Отец Бернард понял, что вторгся в пространство частной жизни, и, меняя тему, поднял чашку.

– Прекрасно заварено, миссис Смит, – похвалил он, и Мать улыбнулась.

Не то чтобы Мать не хотела видеть Хэнни дома – она любила его так сильно, что временами мы с Родителем ощущали себя просто ее знакомыми.

Просто он напоминал ей об испытании, которое она все еще не прошла. И хотя Мать восторгалась каждым его маленьким достижением – скажем, он смог написать первую букву своего имени или завязать шнурок на ботинке, – она отчетливо осознавала, что предстоит очень долгий путь.

– Впереди долгий путь, – сказал ей однажды отец Уилфрид. – И он полон разочарований и препятствий. Но вам следует утешиться мыслью, что Бог предназначил вам идти по этому пути, что Он послал вам Эндрю одновременно и как испытание, и как наставника вашей души. Он будет напоминать вам о вашей немоте перед Богом. А когда он наконец заговорит, то и вы сможете заговорить и попросить Господа о том, чего желаете. Не каждому дается такой шанс, миссис Смит. Не забывайте об этом.

Чай, который мы налили для Хэнни и который остыл, образовав на поверхности сморщенную молочную пленку, служил доказательством того, что Мать ничего не забыла. Странным образом он был своего рода молитвой.

– Так что же, – заговорил отец Бернард, опуская наполовину опустевшую чашку и отклоняя попытку Матери налить ему еще чаю, – есть у кого-нибудь предложения, куда можно поехать на Пасху?

– Вот, – начала мисс Банс, взглянув на Дэвида, который ободряюще кивнул ей, – есть одно местечко под названием Гласфинид.

– Где это? – спросила Мать, оглядывая всех со скептическим видом.

Мистер и миссис Белдербосс в ответ усмехнулись. Они никогда не слышали об этом месте. Просто мисс Банс решила отличиться. Она молодая, и это не ее вина.

– Гласфинид. Это такое тихое, уединенное место на границе Брекн-Биконс, – пояснила мисс Банс. – Там очень красиво. Я была там много раз. Там есть церковь под открытым небом. Все сидят на бревнах.

Никто не откликнулся, кроме Дэвида, который улыбнулся:

– Звучит неплохо. – И отхлебнул чаю.

– Хорошо, – сказал отец Бернард после секундной паузы. – Есть одна идея. Как насчет других?

– Но это очевидно, – вступила в разговор Мать. – Мы должны снова отправиться в «Якорь» и посетить обитель. – И, вдохновляемая взволнованным шепотом Белдербоссов, помнивших это место, добавила: – Мы знаем, как туда попасть и где что там находится. Там тихо и спокойно. Мы можем поехать туда на Страстную неделю, взять Эндрю в обитель и остаться там до Вознесения. Как мы всегда делали. Это было бы так мило. Старые друзья снова вместе.

– А вот я никогда там не была, – заявила мисс Банс. – И Дэвид тоже.

– Ну, вы понимаете, о чем я говорю, – сказала Мать.

Отец Бернард оглядел комнату.

– Есть еще предложения? – спросил он и в ожидании ответа взял пирожное с кремом и откусил половину.

Все молчали.

– Раз так, – улыбнулся он, – думаю, нам следует быть демократами. Кто за то, чтобы поехать в Южный Уэльс?

Мисс Банс и ее жених подняли руки.

– Кто за то, чтобы снова поехать в «Якорь»?

Все остальные отозвались с заметно большим воодушевлением.

– Решено, – объявил отец Бернард. – Едем в «Якорь».

– Но вы сами не голосовали, преподобный отец, – заметила мисс Банс.

Отец Бернард улыбнулся:

– Оставляю за собой право воздержаться на этот раз, мисс Банс. Я буду рад пойти туда, куда меня поведут.

Он снова насмешливо улыбнулся и доел оставшееся пирожное.

Разочарованная, мисс Банс бросала взгляды на Дэвида, ожидая от него сочувствия. Но он только пожал плечами и направился к столу за чаем. Мать с нескрываемым удовольствием подала ему полную чашку – она предвкушала возвращение в Лоуни.

Мистер и миссис Белдербосс принялись описывать Лоуни в подробностях отцу Бернарду, который, кивая головой, принялся за следующее пирожное на своей тарелке.

– А обитель, преподобный отец, – говорила миссис Белдербосс, – как она прекрасна, правда, Рег?

– О, да, – отвечал мистер Белдербосс, – это настоящий маленький рай.

– Такое множество цветов, – поддержала супруга миссис Белдербосс.

– И такая чистая вода, – продолжал мистер Белдербосс. – Правда, Эстер?

– Как хрусталь, – подтвердила Мать, проходя мимо дивана.

Она улыбнулась отцу Бернарду и прошла вперед, чтобы предложить мисс Банс печенье. Та сухо поблагодарила. Мать кивнула и пошла дальше. Она знала, что, находясь в «Якоре», на своей, так сказать, территории, она положит мисс Банс с ее Гласфинидом на обе лопатки.

Мать выросла на северо-западном побережье, в двух шагах от Лоуни, и до сих пор, хотя она давно уже покинула эти места и больше двадцати лет прожила в Лондоне, в ее речи сохранились тамашние словечки. Она по-прежнему называла синиц старчиками, мотыльков – мятлышками и, когда мы были маленькими, пела нам песенки, известные только в ее родной деревне.

Она заставляла нас есть тушеное мясо с картошкой и салаты с рубцом, разыскивала обожаемые ею с детства пирожки с творогом и не боялась закупорить себе сосуды холестерином, поедая сдобу, выпеченную на жирном молоке отелившейся коровы.

Казалось, в родных местах Матери праздники в честь разных святых случались чуть ли не через день. И хотя даже самые рьяные прихожане в Сент-Джуд вряд ли о них помнили, Мать не забыла ни одного, помнила все полагающиеся к ним ритуалы и настаивала на соблюдении их у нас дома.

На день святого Иоанна сквозь пламя свечи три раза проносили металлический крест, что призвано было символизировать Божественное покровительство, оказанное святому, когда он вошел в горящий дом с целью спасти оставшихся там прокаженных и калек.

В октябре на праздник святого Франциска Ассизского мы ходили в парк подбирать опавшие листья и веточки, чтобы делать из них кресты для украшения алтаря в церкви Сент-Джуд.

А в первое воскресенье мая, подобно жителям деревни, откуда Мать родом, делавших это с незапамятных времен, мы выходили в сад перед мессой и умывались росой.

Но Лоуни был чем-то совершенно особенным. Для Матери обитель Святой Анны была почти то же самое, что Лурд². Прогулка длиной в две мили из «Якоря» через поля представлялась ей Путем святого Иакова. Она была совершенно убеждена в том, что там, и только там у Хэнни есть шанс излечиться.

---

² Лурд – город во Франции, место паломничества больных, надеющихся на исцеление через заступничество Девы Марии.

Глава 4

Хэнни приехал домой из Пайнлендс в начале пасхальных каникул. Он был очень возбужден.

Не успел Родитель выключить мотор, как Хэнни уже несся по аллее, чтобы показать мне новые часы, подаренные Матерью. Я видел их в витрине мастерской, где она работала. Увесистое изделие из желтого металла с изображением Голгофы на циферблате и выгравированной цитатой из Матфея на обратной стороне: *«Итак, бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа»*.

– Красивые часы, Хэнни, – сказал я и отдал их ему обратно.

Он выхватил их и надел на запястье, а затем вручил мне альбом с картинками, нарисованными за семестр. Они все предназначались мне. Никогда Матери или Родителю.

– Ты очень рад быть дома, правда, Эндрю? – улыбнулась Мать, придерживая дверь, чтобы Родитель мог втащить чемодан Хэнни с крыльца.

Она пригладила рукой волосы Хэнни и обняла его за плечи.

– Мы сказали ему, что отправляемся в «Якорь», – объявила она. – И он с нетерпением ждет поездки, правда?

Но Хэнни больше интересовало помериться со мной ростом. Он положил ладонь мне на макушку, а потом переместил руку вниз, к адамову яблоку у себя на шее. Он снова вырос.

Довольный, что по-прежнему выше меня ростом, Хэнни стал подниматься по лестнице, как всегда шумно, и перила тихонько скрипели, когда он перебирался со ступеньки на ступеньку.

Я направился в кухню, чтобы приготовить чай в его кружке с картинкой, на которой был изображен лондонский автобус. Вернувшись, я нашел Хэнни в его комнате. Он все еще не снял старый плащ, принадлежавший когда-то Родителю и приглянувшийся ему много лет назад. Он носил его в любую погоду. Хэнни стоял у окна спиной ко мне, глядя на дома на противоположной стороне улицы и проезжающие внизу машины.

– Все в порядке, Хэнни?

Он не двигался.

– Дай мне плащ, – сказал я, – я повешу его.

Хэнни повернулся и посмотрел на меня.

– Твой плащ, – повторил я, дергая его за рукав.

Брат смотрел, как я расстегивал пуговицы за него и вешал плащ на вешалку за дверью. Плащ весил тонну. Он был набит предметами, служившими средствами коммуникации между им и мной. Кроличий зуб означал, что Хэнни голоден. Кувшинчик с гвоздями говорил о том, что у него болит голова. Извинялся Хэнни при помощи пластикового динозавра, а если он чего-то пугался, то надевал резиновую маску гориллы. Иногда брат пользовался комбинацией этих предметов, и хотя Мать и Родитель воображали, что знают, что все это означает, на самом деле только я действительно понимал его. У нас был свой мир, а у Матери и Родителя – свой. В этом не было их вины. Как и нашей. Просто так было. И до сих пор это так. Мы с Хэнни ближе друг к другу, чем люди могут себе представить. Никто, даже доктор Бакстер, не может этого понять.

Хэнни похлопал по кровати, и я сел, а он принялся листать рисунки с животными, цветами и домами. Вот его учителя. Вот другие обитатели интерната.

Последняя картина, однако, выглядела совсем иначе. На ней были изображены два человечка, стоящих на берегу, заваленном морскими звездами и ракушками. Море выглядело как ярко-синяя стена, поднимавшаяся наподобие цунами. Слева виднелись желтые горы, зеленая трава на вершинах напоминала прическу могикиан.

– Это Лоуни, да? – спросил я, удивляясь, что брат вообще помнил это место. Прошли годы с тех пор, как мы последний раз были там, а Хэнни редко рисовал что-то, что не видел прямо перед собой.

Брат намочил в воде руку и провел пальцем по верблюжьим горбам дюн, над которыми летела большая стая птиц. Хэнни любил птиц.

Я много рассказывал ему про них, все, что знал. Как можно по крапинкам на оперении у чаек определить, первый это, второй или третий год их жизни, и как отличается зов у ястреба, крачки и славки. Как, если сидеть совсем тихо около воды, вас стайей окружают песочники, и они подходят так близко, что можно почувствовать кожей дуновение ветерка от их крыльев.

Я подражал крикам кроншнепов, травников, серебристых чаек, и мы, бывало, лежа на спине, наблюдали, как высоко в небе летит клин гусей, и гадали, как это – рассекать воздух на высоте мили от земли клювом твердым, как кость.

Хэнни улыбнулся и постучал по фигурам на картинке.

– Это ты, – сказал я. – Это Хэнни.

Хэнни кивнул и коснулся груди.

– Это я? – спросил я, указывая на фигурку поменьше.

Хэнни схватил меня за плечо.

– Я рад, что ты дома, – сказал я.

Это так и было.

Пребывание в Пайнлендс мало что дало брату. Там ничего о нем не знали. Да и не заботились о нем так, как это делал я. Никогда не спрашивали, в чем он нуждался. Он был просто рослый парень с красками и карандашами, подолгу просиживающий в комнате отдыха.

Хэнни прижал меня к себе и погладил по голове. Он стал намного сильнее. Я заметил, что брат здорово изменился. Детская пухлость, заметная еще на Рождество, исчезла с его лица, и ему уже не надо было куском жженой пробки пририсовывать себе фальшивые усики, как мы, бывало, делали, когда были детьми. Невероятно, но Хэнни становился взрослым.

Думаю, он и сам ощущал что-то непривычное, пусть и смутно. Так бывает, когда чувствуешь, что в комнате что-то стало по-другому, но не можешь понять что именно. Картины не хватают или ваза поставлена в другом месте?

Иногда я замечал, что Хэнни разглядывает руки, оценивая их ширину, поросль черных волос на груди, твердые овалы бицепсов, как будто не совсем понимая, что он сам делает в этом теле мужчины.

* * *

Как и в прежние поездки, мы отправились в «Якорь» во вторник на Страстной неделе, как только забрезжил первый свет.

Когда все собрались около Сент-Джуд и погрузили вещи в фургон, отец Бернард направился было к водительскому месту. Но прежде чем он смог завести двигатель, Мать тронула его за плечо:

– Отец Уилфрид, перед тем как уехать, обычно читал молитву.

– Да, конечно.

И отец Бернард вылез из фургона, собираясь осенить себя крестом.

– Мы обычно шли за угол, преподобный отец, – добавила Мать, – и молились перед образом Пресвятой Девы.

– А, хорошо, – согласился отец Бернард. – Конечно.

Мы собрались перед небольшим рокарием, в центре которого стояла скульптура Пресвятой Девы, и, склонив головы, слушали, как Отец Бернард на скорую руку произносит молитву о заступничестве, прося Богородицу о безопасной поездке и благополучном палом-

ничестве. После того как прозвучало «Аминь», мы направились к ограде, ожидая своей очереди встать на колени и поцеловать стопы Девы Марии.

Отец Бернард уступил дорогу миссис Белдербосс, которая медленно опустилась на колени. Она наклонилась вперед, а мистер Белдербосс придерживал жену за плечи. Облобызав пальцы ног Божьей Матери, женщина закрыла глаза и принялась шепотом читать молитву, которая продолжалась так долго, что отец Бернард начал с нетерпением поглядывать на часы.

Я был последним в очереди, но отец Бернард сказал:

– Оставь, Тонто. Иначе мы весь день простои́м в пробке на выезде из Лондона. – Он посмотрел на Деву Марию, на Ее лик, с которого не сходило вечное выражение безучастности и скорби. – Уверен, Она не будет против.

– Как скажете, преподобный отец.

– Именно, – усмехнулся отец Бернард и бросился бегом к фургону.

Садясь на место, он отпустил какую-то шутку, которую я не расслышал. Все засмеялись.

Я уже много месяцев не видел Мать и Родителя такими счастливыми. Я знал почему. Они надеялись, что в этот раз все будет по-другому. Что Хэнни выздоровеет. Что они уже на пороге чудесного свершения.

* * *

Мы поехали из Лондона на север через Ист Мидлендс и далее через Йоркшир к Ланкаширу. Я сидел сзади, под мое сиденье забился Монро. Я периодически засыпал, потом просыпался, потом снова засыпал, а за окном проплывали одно графство за другим. Когда я просыпался, мне приходило в голову, что мы проезжаем одни и те же места. Наверно, потому что Англия вообще вся одна и та же. Старые фермы, новые поместья, церкви, градирни, очистные сооружения, железные дороги, мосты, каналы, маленькие городки – все они были похожи друг на друга, за небольшой разницей в архитектуре и цвете каменных стен.

Солнечный свет начал потихоньку заливать лондонские пригороды, когда мы уезжали, но чем дальше мы продвигались на север, тем реже появлялось солнце, только на короткие моменты озаряя желтые склоны холмов на расстоянии нескольких миль или на одну-две секунды отражаясь ослепительным светом от поверхности водоемов.

Температура падала, и тучи все больше сгущались. Наконец начался проливной дождь, и дорога превратилась в сплошной поток. Обрывки тумана зависли над холодными озерами и негустыми рощами. Цвет болот изменился, по торфяным склонам устремились вниз ливневые потоки. Издалека они казались белыми и твердыми, как прослойки кварца.

Последние несколько миль фургон издавал жуткое гремяхание, как будто в двигателе что-то отвалилось. Все помалкивали, надеясь, по-видимому, на лучший исход, но каждый раз, когда отец Бернард переключал передачу, фургон начинал вибрировать и раздавался громкий скрежет. Кончилось дело тем, что мотор заглох, и фургон съехал на обочину и остановился.

– Что это, преподобный отец? – спросила миссис Белдербосс.

– Сцепление, я думаю, – ответил отец Бернард.

– А, это все сырость, она здесь проникает повсюду, – сказал мистер Белдербосс и откинулся назад, довольный своей сообразительностью.

– Вы можете починить его? – спросила миссис Белдербосс.

– Надеюсь, миссис Белдербосс, – усмехнулся отец Бернард. – У меня такое впечатление, что в этих местах приходится рассчитывать только на собственную изобретательность.

Он улыбнулся и вылез из фургона. Отец Бернард, конечно, был прав. Куда ни посмотри, здесь ничего не увидишь, кроме пустынных топких полей, на которых, как раскиданные ветром лохмотья, там и сям виднелись морские птицы.

Дождь бил в лобовое стекло, и струи воды волнами стекали вниз, когда отец Бернард открыл капот, подставив опору, чтобы он не закрывался.

– Пойди помоги ему, – сказала Мать Родителю.

– Что я понимаю в автомобилях? – возразил тот, отрываясь от изучения карты.

– Лишние руки не помешают.

– Он знает, что делает, Эстер. У семи нянек, сама знаешь.

– Что ж, надеюсь, он все же сможет довезти нас, – сказала Мать, глядя в окно. – Все только холодает и холодает.

– Не сомневаюсь, что мы выживем, – заметил Родитель.

– Я беспокоюсь о мистере и миссис Белдербосс, – ответила Мать.

– Не тревожьтесь за нас, – вмешался мистер Белдербосс. – нам не впервой замерзнуть, правда, Мэри?

– Еще бы!

И они принялись долдонить о войне, и поскольку я все это слышал много раз раньше, я повернулся к Хэнни, который уже пять минут дергал меня за рукав – ему срочно надо было показать свой View-Master.

Брат с радостной улыбкой вручил мне стереоскопические очки в красной оправе. Он сидел в них всю поездку, просматривая по очереди катушки, которые выуживал из школьного ранца. Сначала он разглядывал «Горные системы мира», до самого Кеттеринга, где мы остановились для отправления естественных нужд, затем «Удивительные обитатели океана», «Освоение космоса», после чего Мать уговорила его посмотреть «Сцены из Ветхого Завета», которыми он и приглашал меня полюбоваться: Еву с деликатно прикрытыми листьями интимными местами, нож Авраама, нацеленный в сердце Исаака, колесничих Фараона, скатывающихся в Красное море. Когда я досмотрел сцены до конца, я заметил, что Хэнни зажимает руки между ног.

– Хочешь выйти? – спросил я.

Хэнни качался взад-вперед, стуча боковиной сапога по двери.

– Тогда пойдем, – сказал я.

Отец Бернард продолжал копаться в моторе, и я отвел Хэнни подальше по тропинке, чтобы его никто не видел. Он подошел ближе к забору и расстегнул молнию на джинсах, а я в ожидании слушал, как дождь стучит по капюшону куртки, которую я надел по настоянию Матери.

Я оглянулся на фургон, и мне показалось, что они говорят на повышенных тонах. Мать, Родитель. Они изо всех сил старались сохранять бодрость духа, ведь все были радостно воодушевлены, когда уезжали из Сент-Джуд. Но, когда дождь заливает дорогу и все вокруг окутано плотным туманом, как тут не впасть в уныние?

По полям гулял пронизывающий ветер, приносящий смесь запахов соленой морской воды и гнили, едкой, как испорченный лук. И прошлые наши паломничества, кажется, сопровождал этот запах, и я почувствовал, как в желудке у меня нарастает неприятное ощущение. Сколько я себя помню, мы приезжали сюда, и никогда не бывало, чтобы я чувствовал себя здесь хорошо. Мне вспомнился дом бабушки – угрюмый, безжизненный, даже немного угрожающий. Совсем не то место, где хочется задержаться надолго. Я всегда радовался, что все позади, когда пасхальное паломничество подходило к концу, и втайне не раз вздыхал с облегчением, когда мы совсем перестали сюда ездить.

Паломники поднимали дух, распевая гимны и читая молитвы, однако временами мне казалось, что они, не отдавая себе в этом отчета, скорее старались отогнать от себя тревож-

ные мысли, чем призывали Бога. Хэнни завершил свои дела и махнул мне рукой, подзывая туда, где он стоял.

– Что там? – спросил я.

Брат показал на забор. Заяц, застреленный и ободранный, подвешен на колючей проволоке, рядом растянута его шкура, и тут же несколько десятков крыс. Охотничьи трофеи или подвешены для устрашения? А может быть, и то и другое.

– Оставь это, Хэнни, – сказал я. – Не трогай.

Он умоляюще смотрел на меня.

– Мы все равно теперь не можем ему помочь, – вздохнул я.

Брат было потянулся, чтобы погладить зайца, но отдернул руку, когда я покачал головой. Заяц уставился на нас остекленевшим карим глазом.

Мы начали было пересекать дорогу, чтобы вернуться к фургону, когда я услышал звук приближающегося автомобиля. Я схватил Хэнни за рукав и крепко держал его: мимо, вздымая во все стороны воду из-под колес, пролетел дорогуций «даймлер». На заднем сиденье спала девушка, лицо ее было обращено к окну. Водитель снизил скорость на повороте, где мы стояли, повернул голову и мельком взглянул на меня, перед тем как исчезнуть за поворотом. Я никогда раньше не видел в здешних местах такого автомобиля. Тут, в окрестностях Лоуни, и движения-то никакого не было, только грузовики с сеном да и фермерские фургоны, не всегда даже с мотором.

Когда мы с Хэнни вернулись к фургону, отец Бернард все еще возился с двигателем, запустив руки по локоть в капот.

– Что там не так, преподобный отец? – спросил я.

– Не знаю, Тонто, – ответил он и отер рукавом дождевую воду с глаз. – Возможно, маховик, но чтобы убедиться, мне придется полностью разобрать мотор.

Отец Бернард неохотно закрыл капот и залез за мной в фургон.

– Есть успехи? – поинтересовался мистер Белдербосс.

– Пока нет, – ответил отец Бернард, приглаживая на голове мокрые волосы. – Если честно, тут, по-моему, работа для автомеханика.

– О господи! – запричитала миссис Белдербосс. – Такое начало!

– Ну, по крайней мере, мы отъехали достаточно далеко, – заметил отец Бернард.

Монро заскулил. Отец Бернард цыкнул на него, и пес затих, но по его глазам было видно, что он беспокоится.

– Думаю, лучшее, что я могу сделать, – сказал отец Бернард, – это пойти пешком в деревню и поискать кого-нибудь, кто сможет помочь.

– В такую погоду, преподобный отец? – удивилась миссис Белдербосс. – Вы себя до могилы доведете.

– Честно говоря, мне лучше пройтись, миссис Белдербосс, – улыбнулся отец Бернард. – Я плохо себя чувствую, когда приходится подолгу сидеть.

– Тут приличное расстояние, преподобный отец, – заметил мистер Белдербосс. – Мили три-четыре, не меньше.

Отец Бернард снисходительно улыбнулся и поплотнее завернул шарф вокруг шеи.

– Ты пойдешь с ним, так? – Мать повернулась ко мне.

– Ах, не беспокойтесь, миссис Смит, – сказал отец Бернард, – нет никакого смысла мокнуть обоим.

– Ничего страшного, да? – Мать толкнула меня локтем.

– Ничего, – подтвердил я.

Ветер утюжил местность вокруг фургона. Монро снова принялся подвывать тоненьким голоском. Отец Бернард склонился над ним и почесал его за ухом, чтобы успокоить.

– Что с ним, преподобный отец? – спросил мистер Белдербосс.

– Не знаю, – ответил отец Бернард. – Может быть, это из-за проехавшего мимо автомобиля.

– Возможно, вы правы, – согласился мистер Белдербосс. – Он пронесся как бешеный. Я и не думал, что он затормозит перед поворотом.

– Девушка, однако, хорошенькая, правда? – заметила миссис Белдербосс.

Мистер Белдербосс нахмурился:

– Какая девушка?

– Девушка на заднем сиденье, – усмехнулась миссис Белдербосс.

– Не видел никакой девушки.

– Ты много пропустил, Рег.

– Ну, перестань, Мэри, – отмахнулся тот. – Ты же знаешь, мои глаза видят только тебя.

Миссис Белдербосс наклонилась к мисс Банс.

– Цените чистосердечие Дэвида, пока оно еще есть, – шепнула она, но мисс Банс смотрела мимо нее на Монро.

Пес заполз снова под мое сиденье и дрожал.

– Ну-ну, старик, – сказал отец Бернард, – что ты хочешь? В чем дело?

* * *

Через поле по направлению к нам шли три человека. На них были грязные непромокаемые куртки и резиновые сапоги. Никто не носил шапки, зонтиков тоже ни у кого не было. Это были местные, они либо привыкли к такой погоде, либо располагали точными сведениями, что дождь вот-вот закончится.

У одного из них на плече висело ружье. Другой на цепи вел белого терьера – из тех, у которых длинная морда и широко расставленные глаза. Таких дети обычно на поводке водят. Третий человек был постарше, он держался на несколько ярдов позади и кашлял в кулак. Мужчины остановились, некоторое время молча смотрели на нас и снова двинулись по направлению к дороге.

– Может быть, нам попросить их о помощи? – предложил мистер Белдербосс.

– Я бы не стала, – сказала мисс Банс, взглянув на Дэвида, который успокаивающе взял девушку за руку.

– Либо мы попросим их, либо просидим здесь до конца недели, – заявила Мать.

Отец Бернард вылез из фургона и окинул взглядом дорогу, перед тем как пересечь ее. Трое мужчин снова остановились в ожидании, когда отец Бернард обратится к ним. Самый высокий из них, лысый, телосложением походил на шаролезского быка. Он повесил ружье на локоть и смотрел на отца Бернарда, пока тот объяснял проблему со сцеплением. Второй, с собакой, крепко держал ее за морду и с интересом смотрел то на отца Бернарда, то на чужаков в фургоне. Левая рука его висела как-то странно свободно, черная перчатка на ней была подвязана на кисти чем-то вроде струны. Самый старший снова закашлялся и присел на подвернувшийся камень. У него был странный цвет лица – цвет засохших нарциссов. Мой дедушка был такого же цвета, когда у него печень перестала работать.

– Ах, господи, – сказала миссис Белдербосс, – он очень плохо выглядит, правда, Рег?

– Токсоплазмоз, скорее всего, – ответил мистер Белдербосс.

– Токсо... что?

– Они от кошек заражаются, – сообщил мистер Белдербосс. – очень часто бывает у фермеров. Кошки переносят на себе всякую дрянь.

– О чем это ты говоришь? – не поняла миссис Белдербосс.

– Я читал в газете, – объяснил ее муж. – Посмотри на их руки. Они не моют их тщательно. Достаточно проглотить мельчайшую крошку кошачьих дел – и готово. Я ведь прав?

– Наверно, – сказал Родитель.

Миссис Белдербосс покачала головой.

– Говорю тебе, это токсоплазмоз, – настаивал мистер Белдербосс. – Посмотри на него. Бедняга!

Снаружи отец Бернард похлопал «бычару» по плечу и подвел его к фургону. «Бычара» отдал ружье своему приятелю с собакой и склонился над мотором, как только отец Бернард поднял капот.

Я слышал, как они разговаривают, вернее, говорил отец Бернард, а «бычара» слушал, время от времени вставляя «ага». Минуту спустя подошел тот, что с собакой, чтобы внести свою лепту в обсуждение вопроса, и в конце концов отец Бернард захлопнул капот и вернулся на свое место.

– Мистер Паркинсон, можно сказать, спас ситуацию, – сказал он в ответ на жест «бычары», предлагающего завести двигатель.

– Мистер кто? – переспросила мисс Банс.

– Паркинсон, – говорил отец Бернард. – Второго, с собакой, зовут Коллиер.

– Откуда вы знаете? – поинтересовалась мисс Банс.

– Спросил, – ответил отец Бернард. – Такое правило я завел себе еще в Ардойне. Спроси у человека, как его зовут, пожми ему руку, и он наверняка тебе поможет, кто бы он ни был.

– Я думал, вы приехали из Нью-Кросса, – заметил Родитель.

– Точно, оттуда, но после семинарии я два года провел в Ардойне, – объяснил отец Бернард.

– Никто не говорил нам об этом, – сказала Мать.

– А, видите ли, мисс Смит, я храню больше секретов, чем бросается в глаза.

Фургон плавно завелся, и отец Бернард поднял большой палец, на что Паркинсон ответил легким кивком головы. Мы тронулись, на какой-то момент колеса забуксовали в придорожной грязи, и наконец мы вновь двинулись в сторону «Якоря».

Трое мужчин стояли и смотрели, как мы проехали по узкой дороге, а собака рвалась с поводка, отчаянно желая разорвать кого-нибудь на куски.

* * *

Чуть позднее показались знакомые ориентиры: паб с каким-то необычным названием, монумент на ярко-зеленом холме, полукружие высоких камней в поле. Вот уже дорога пробивается сквозь толщу раскидистых дубов, и наконец слева открывается береговая линия Лоуни.

Помню, как я всегда инстинктивно переводил глаза на горизонт, охватывая взглядом огромное серое пространство, – ощущал, наверно, то же самое, что и при взгляде вниз со шпилья Сент-Джуд или с верхнего этажа здания, где работал Родитель. Что-то вроде головокружения.

– Прелестный вид, правда, Джоан? – воскликнула миссис Белдербосс.

Мисс Банс посмотрела мимо меня на угрюмую морскую гладь, на чаек, кружащихся над водой, неуверенно нахмурилась и снова впала в полусонное состояние, в котором пребывала с того момента, как мы продолжили путь после починки двигателя.

– Прелестный вид, – повторила миссис Белдербосс, подтверждая этот факт для самой себя.

Облака над водой рассеялись, и лучи солнечного света протянулись к обнаженной округлости Стылого Кургана, оживляя его бурое безлесье и высвечивая окна «Фессалии»,

старого особняка на крайней северной точке мыса. Окна вспыхнули и снова погасли, как если бы дом разбудили на мгновение от долгого сна.

Мне никогда не нравилась «Фессалия»; в прошлом нам строго запрещалось ходить через пески к Стылому Кургану, но мы и так туда бы не пошли.

Само собой разумеется, ходили слухи, что в доме водятся привидения. Говорили, что когда-то здесь жила ведьма, прекрасная дама по имени Элизабет Перси, она заманивала проплывавшие мимо корабли, и они разбивались о скалы. Она продолжала жить здесь, принимая тот или иной облик, хотя ее повесили на старой колокольне неподалеку от дома. Надо сказать, народ в Лоуни по-прежнему цеплялся за старые суеверия, причем, по-видимому, по убеждению, а не от ностальгии по старым временам, и было совсем не удивительно увидеть фермы, где обитатели не осмеливались снять старые подковы, прибитые гвоздями к дверям амбара, поскольку те защищали от нечисти, портившей сено, или людей, оставлявших в окне желудь, чтобы уберечь дом от молнии.

Над всем этим можно было бы посмеяться, но современность настолько мало присутствовала в этих местах, что трудно было отделаться от мысли, что все здесь замерло в неподвижности и, как бы это выразиться, соответствующим образом настроено, что ли...

Внезапно спустившийся туман, раскаты грома над морем, неистовый ветер, завывающий вдоль берега, вынесшего улов, состоящий из старых костей и мусора, – все это временами порождало ощущение ожидания чего-то. Хотя чего именно, я не знал.

Мне нередко представлялось, будто времени там было в избытке. И это гиблое место терзало. Преследовало его. Время не текло здесь, как должно. Ему было некуда спешить, а современность не подгоняла его. Оно собиралось, как черная вода в болоте, и так же, как вода в болоте, оставалось там и загнивало.

* * *

Отец Бернард двигался вперед со скоростью улитки, нависнув над рулем и вглядываясь в дорогу сквозь прогалины на лобовом стекле – в тех местах, где он рукавом вытер его от конденсата. Колея состояла из одних рытвин, и все мы держались изо всех сил, когда фургон подбрасывало на очередном ухабе.

Так продолжалось примерно пол-мили или больше, подвеска кряхтела и стонала, но вот наконец, поднявшись наверх, мы сделали резкий поворот на вершине.

– Смотрите, – неожиданно раздался голос Матери, указывавшей на склон справа от нас. – Вот он!

«Якорь» одиноко возвышался среди бурьяна и известковых глыб на покатоном склоне, начинавшем свой подъем на берегу моря за милю отсюда и продолжавшемся до крутых холмов позади дома, где лесной покров из ясеней, тисов и дубов, именуемый Браунслэш Вуд, простирался вниз от вершины холма до болот соседней долины.

Своей выпуклой крышей дом напоминал корабль, выброшенный штормом далеко на сушу. Огромная вьющаяся глициния была его снастями. Крошащаяся труба – его «вороньим гнездом»³.

Раньше это был дом набивщика чучел, который отошел от дел и поселился здесь со своей третьей женой в конце 50-х годов. Женщина умерла через год после того, как они въехали сюда, да и сам он прожил здесь не намного дольше, оставив дом в наследство своему сыну, банкиру, проживавшему в Гонконге. Продать эту недвижимость сын не смог и стал сдавать внаем, и, насколько мне известно, мы были единственными постояльцами, кто когда-либо останавливался в «Якоре».

---

³ «Воронье гнездо» (*мор.*) – наблюдательная площадка на мачте.

* * *

Мы поднимались дальше по дороге, и я повернул голову Хэнни в сторону крупной глыбы известняка с левой стороны. Мы когда-то окрестили его «Танк». Ну, или, во всяком случае, я так его называл. Когда Мать не следила за нами, мы бросали в него камешки – это были гранаты. Пускали ракеты-палки под гусеницы. Ползли на животе по траве, чтобы бросить гранату в покрытое шрамами лицо обер-лейтенанта, как в комиксах «Коммандо» делали рядовые солдаты.

Интересно, помнил ли Хэнни что-нибудь об этом? Он, как-никак, помнил берег, и мы всегда продолжали наши игры с того места, на котором остановились, когда уезжали, причем совершенно неважно, как давно это было. Возможно, когда мы спустимся к берегу, брат снова захочет играть в войну. Ему это никогда не надоедало, хотя я понятия не имел, что это для него означало. То есть у него не могло быть никакого понимания смысла войны, или смелости, или самопожертвования. Я думаю, дело просто в возбуждении от игры. Мы штурмовали дюны с деревянными пулеметами – и побеждали, всегда побеждали.

Подъехав к «Якорю», мы увидели припаркованный на газоне «лендровер». Он был помятый, грязный, на дверцах белой краской были грубо намалеваны кресты. На таком, наверно, переправляли людей через Сомму.

– А, он здесь, – сказала миссис Белдербосс, глядя в окно. – Все такой же, как и всегда.

– Кто? – спросила мисс Банс, вытянув шею, чтобы лучше видеть со своего места.

– Клемент, – ответила миссис Белдербосс.

Мисс Банс разглядывала крупного человека, который стоял у входа. Рядом с ним была женщина раза в два его меньше. На лице мисс Банс отразилось беспокойство, которое не осталось незамеченным миссис Белдербосс.

– О, он вас не побеспокоит, – сказала она. – Он просто немножко... ну, вы понимаете. Улыбнитесь ему, это поможет.

– А кто эта дама?

Миссис Белдербосс повернулась к мисс Банс:

– Это его мать. Слепая, как летучая мышь, бедняжка.

– Но она носит очки, – заметила мисс Банс.

Миссис Белдербосс рассмеялась:

– Ну да, я знаю. Стреляная птица, что тут скажешь.

Клемент смотрел, как мы вылезаем из фургона. Отец Бернارد помахал ему, но он продолжал настороженно смотреть на нас, как и его мать.

Про Клемента ходили недобрые слухи, как это всегда бывает, когда человек живет тихо и обособленно, но общее мнение склонялось к тому, что его можно было не бояться. И хотя свиная ферма, которую они держали с матерью, была заброшенной и обветшалой, затерявшейся среди продуваемых ветрами полей к югу от «Якоря», я был убежден, что она была в таком жалком состоянии не от нерадивости. По общему признанию, мать Клемента нуждалась в неменьшей заботе, чем свиньи.

Бедный Клемент! На мой взгляд, он был сродни ломовой лошади, как по телосложению, так и по характеру. Неуклюжий. Трудолюбивый. С почтительно опущенной головой. Гарантированно, до абсурда надежный.

Сын чучельника, сидя в Каулуне⁴, вряд ли мог получить сведения о прошлом Клемента, но он, тем не менее, платил ему, в полной уверенности, что у Клемента не хватит мозгов, чтобы надувать его.

---

⁴ Фондовая биржа в Гонконге.

Выбравшись из фургона, все принялись потягиваться. Мисс Банс застегнула доверху пальто и обхватила себя руками, прохаживаясь взад-вперед, чтобы согреться. Дэвид в это время вынес ее чемоданы. Мистер Белдербосс с трудом спускался по металлическим ступенькам, Родитель вытащил его багаж, а миссис Белдербосс мельтешила вокруг него, как мотылек.

Отец Бернард надел куртку, застегнул молнию до горла и направился к Клементу, приглашая нас следовать за ним.

При нашем приближении на лице Клемента отразилось смущение.

– А где тот другой старикан?

– Простите?

– Ну, священник.

– Отец Уилфрид? Вам никто не говорил? Он скончался.

– Умер, что ли?

– Увы!

– Как так?

Отец Бернард оглянулся на нас и сказал:

– Я – отец МакГилл, если это поможет.

– Вы священник и все такое?

– Грешен. – Отец Бернард улыбнулся, и Клемент с облегчением пожал ему руку.

Секунду помолчав, отец Бернард посмотрел на мать Клемента в ожидании, что его представят.

– Мать, – вздохнул Клемент.

Старуха встрепенулась и протянула руку.

Отец Бернард пожал ее:

– Рад с вами познакомиться.

Старуха не ответила.

– Иди и подожди в фургоне, – сказал Клемент.

Старуха не шевелилась.

– Я сказал, подожди в фургоне.

Клемент легонько подтолкнул мать, и она пошла в нашу сторону, опираясь на палку. Мы расступились, образовав клин, и старуха, проходя мимо нас, подняла очки и посмотрела на меня молочно-серыми глазами, блестящими, как брюхо слизня.

– Не желаете войти в дом? – спросил Клемент.

– Хорошо бы. Тут сыровато, однако, – заметил отец Бернард.

– Хотя грачи утверждают, что будет хорошее лето.

– Как это?

Клемент показал в сторону рощи за домом, где несколько десятков птиц кружились над гнездами, то влетая в них, то вылетая.

– Вьют гнезда прямо на верхушках деревьев в этом году, – сказал он.

– Так это хорошо, – улыбнулся отец Бернард.

– Да, но так не положено, – пробормотал Клемент.

Он свернул на дорожку, ведущую через подобие аллеи из яблонь, все еще по-зимнему голых, с покрытыми грибок ветвями, к входу. На земле чернели полусгнившие яблоки, также зараженные грибок. Было что-то очень печальное в этих деревьях, подумал я, в том, как послушно они приносят урожай каждое лето только для того, чтобы, никому не нужный, он почернел и сгнил на земле.

Все движения Клемента были медленными, неловкими, и ему потребовалась целая вечность, чтобы найти нужный ключ. Как только дверь была открыта, Мать протолкнулась

вперед и повела всех через прихожую, где, как и прежде, пахло сигарами и жжеными спичками, а в воздухе ощущался какой-то плотный, прямо-таки осязаемый холод.

– Гостиная, салон, уборная, – перечисляла она, поворачивая ручки дверей.

Мистер и миссис Белдербосс последовали за ней через прихожую и обратно, в восторге от того, что нашли все вещи на своих местах, а также от того, что есть новые люди, которым можно все это показать, хотя мисс Банс как-то не очень стремилась заходить дальше старинных напольных часов, остановившихся навеки. Она с беспокойством смотрела, как лампочка без абажура сначала потухла, а потом снова зажглась, причем ярче, чем раньше.

– Это всего лишь ветер, – сказала Мать.

– Он раскачивает провода, – вставил Клемент. Он все еще медлил у порога.

Я только что заметил, что он носил на шее деревянное распятие. Судя по его виду, он сделал его сам – две лучины, отколотые от полена и связанные вместе бечевкой.

– Именно, – согласилась Мать, – он раскачивает провода.

Клемент поправил шапку и собрался уходить.

– Я через пару деньков принесу еще дров, – сообщил он, кивая на мешки в коридоре.

– Ты уверен, что они понадобятся, Клемент? Тут на месяц хватит, – усмехнулся отец Бернард.

Клемент нахмурился с очень серьезным видом:

– Совершенно уверен, преподобный отец. Когда ветер вдувает в трубу, тяга в секунду сжигает пламя.

– Грядет плохая погода? – спросил отец Бернард.

– Она здесь всегда плохая, – хмыкнул Клемент.

Мисс Банс натянуто улыбалась, когда он в последний раз окинул нас взглядом и закрыл за собой дверь.

– Ну, перестаньте, Джоан, – улыбнулся мистер Белдербосс, когда Клемент ушел. – Нет никаких причин беспокоиться.

И он взял девушку под руку и провел вдоль коридора с отставшими обоями и холстами с видами штормового моря в гостиную, чтобы показать ей коллекцию ценностей, оставшуюся от чучельника, – нечто, вызывавшее в нем восхищение и недоумение в равной мере. Следуя приглашению мистера Белдербосса, остальные прошли за ними – послушать, что он скажет об изящных безделушках стоимостью в несколько сотен фунтов каждая.

– А вот... – говорил он, вынимая из деревянного ящичка на подоконнике небольшую глиняную трубку. – Это интересно. Все еще можно увидеть следы от зубов на мундштуке. Смотрите!

Мистер Белдербосс протянул трубку Матери, но она нахмурилась, и он положил ее туда, где нашел, и устремился напрямик к мисс Банс, внимание которой было поглощено книжками на изящном бюро палисандрового дерева у окна.

Среди них были первое издание «Острова доктора Моро» в кожаном переплете – на нем могла бы стоять подпись Лонгфелло, – а также детская книжка-раскладушка «Златовласка и три медведя», которую мисс Банс принялась читать, осторожно переворачивая хрупкие страницы. Поздневикторианский период, определил мистер Белдербосс, примерно тогда же был достроен «Якорь».

– Его строил тип по имени Грегсон, – сообщил мистер Белдербосс. – Он был владелец хлопкопрядильной фабрики. Они все здесь этим занимались, правда, Эстер? Производили хлопок.

– Да, – отозвалась Мать. – Хлопок или лен.

– Здесь где-то есть его фотография, его и его благоверной, – улыбнулся мистер Белдербосс, оглядывая комнату. – У них ведь было семеро детей, да, Мэри? А могло быть и больше. Думаю, немногие из них дожили до пяти лет, представьте. Туберкулез и прочее.

Вот почему Грегсоны строились в таких местах. Чтобы малыши выжили. Они считали, что морской воздух их вылечит.

– Строили на века, – заметил Родитель, проводя рукой по штукатурке. – Толщина стен не меньше ярда.

Мисс Банс огляделась, а затем посмотрела в окно, явно сомневаясь, что тот, кто пожил здесь какое-то время, мог покинуть это место в лучшем состоянии здоровья, чем до приезда.

С ее точки зрения, не было ничего удивительного в том, что, как рассказал мистер Белдербосс, дом много раз переходил из рук в руки с тех пор, как был построен, и каждый новый владелец менял его название в попытке выразить то, что дом, окруженный лесом, мог выражать.

Грегсон окрестил его «Солнечной долиной», затем он стал «Розовым коттеджем», потом «Мягкими песками», «Морским ветерком», пока, наконец, чучельник не переименовал его в «Якорь».

– В лучшие времена здесь должно было быть славно, – предположила миссис Белдербосс, отдергивая шире шторы. – Такой красивый вид... и все такое.

– Викторианцы недурно разбирались в ландшафтах, – заметил Родитель.

– Да уж, – согласился мистер Белдербосс, – такой вид от всех болезней вылечит, правда?

– Есть здесь что-то такое... вечное, – сказала миссис Белдербосс, вглядываясь в море. – Вам не кажется?

– Ну, это же самая старая часть страны, – заявил мистер Белдербосс.

Миссис Беллдербосс закатила глаза:

– Глупый ты, возраст страны везде одинаковый!

– Ну, ты же знаешь, что я имею в виду, – отвечал он. – Здесь нехоженые леса. Некоторые из многовековых тисов в лесу растут со времен Беды Достопочтенного⁵. Говорят, здесь есть места, куда нога человека не ступала со времен викингов.

Миссис Белдербосс снова презрительно фыркнула.

– Это правда, – продолжал мистер Белдербосс. – Сотня лет в этом месте вообще ничто. То есть вполне можно вообразить, что эту книжку, – он взглянул на руки мисс Банс, – какой-нибудь маленький бедняга-туберкулезник читал только вчера.

Мисс Банс бросила книжку и вытерла руки о шерстяное пальто, а мистер Белдербосс отошел на другой конец комнаты и принялся восторгаться картинами морских пейзажей с крошечными суденышками под тяжеленными штормовыми тучами, за работой над которыми чучельник провел свои последние годы. Его кисти все еще стояли в банке из-под варенья.

Краски на палитре покрылись корочкой засохшего темного масла. А под слоем пыли – тряпка, обгрызенный карандаш, какая-то мелочь, ходившая еще до приведения фунта к десятичной системе... Все это дополняло то неприятное чувство, которое всегда появлялось у меня во время поездок в «Якорь»: что чучельник просто вышел покурить одну из своих дорогих сигар и может вернуться в любую минуту, заглянуть в дверь, как один из трех медведей из старой книжки, и обнаружить в каждой комнате по спящей Златовласке.

---

⁵ Беда Достопочтенный – английский святой, бенедиктинский монах, род. в 672 г.

Глава 5

Мы с Хэнни делили комнату наверху, там, где грачи в поисках насекомых, прячущихся во мхе, процарапали щели в черепице. Постоянно какой-нибудь из самых наглых грачей садился на подоконник, совершенно не беспокоясь о том, что мы наблюдаем за ним, запускал с отвратительным скрипом острый, как карандаш, клюв под стекло и выклевывал всяких тварей, живущих в полусгнившей деревянной раме.

И только когда я стукнул по окну, он наконец улетел, махая крыльями в приступе насмешливого хохота, и одним плавным поворотом в парении вернулся в лес к своим. Хэнни расстроился, что птица улетела, но я не мог позволить, чтобы она осталась. Мать не особенно жаловала птиц этого вида – ворон, галок, грачей и прочих подобных. В Лондоне она даже шугала соек и сорок из дальнего конца сада. В ее деревне ходило старое поверье, что эти птицы не дают больным выздороветь, а когда они сбиваются в большую стаю, смерти не миновать.

– Прости, Хэнни, – сказал я. – Мы можем выйти попозже и посмотреть на них, если захочешь.

Брат отвернулся от окна. Стекло запотело в том месте, где было его лицо.

– Нам нужно распаковать вещи, – сказал я и кивком головы показал на спортивную сумку у ног.

Хэнни поднял ее и отдал мне, глядя поверх моего плеча. Лицо его неожиданно просияло при виде массы всякого интересного старья, заполнявшего комнату. Думаю, для брата все было внове, но, на мой взгляд, тут мало что изменилось. Только протечки на потолке стали шире. Темные пятна принимали форму иностранных государств на карте, а следующие один за другим контуры протечек свидетельствовали о расширении с каждым годом империи сырости. По сравнению с последним разом, когда мы здесь были, ее территория заметно увеличилась.

Я взял у Хэнни одежду, повесил его пальто за дверь и положил его книжку «Жизнь святых» на столик рядом с кроватью. В Пайнлендс воспитанника поощряли самостоятельно делать такие вещи, но сейчас Хэнни был слишком возбужден тем, что видел в комнате, чтобы обращать внимание на что-то еще. Он забирал один за другим различные предметы и рассматривал их: все эти разноцветные камешки и мелкие ракушки, щепки от выброшенных на берег коряг, бутылки, крупные раковины, окаменевшие водоросли, завитки высохших кораллов, русалочки кошельки⁶. Целая полка была уставлена безделушками, вырезанными из остатков морской фауны. Здесь были моржовые зубы, отполированные так, что они просвечивали, как китайский фарфор. Выгравированные на них изображения шхун и боевых кораблей поражали затейливостью деталей. Напротив одной из стен стоял комод с ящиками, наполненными образцами птичьих яиц, каждое из которых было снабжено этикеткой с названием на английском и латыни и датой, когда оно было найдено. Возраст некоторых из них исчислялся десятилетиями.

На полу и поверх длинных шкафов были расставлены разные диковинки викторианского периода под пыльными стеклянными колпаками, которые в детстве пугали меня до смерти. Жутко яркие экзотические бабочки, пришпиленные к березовому пеньку, две белки, играющие в крикет, в кепках и наколенниках, паукообразная обезьяна в феске и с курительной трубкой.

Там были шарманки и сломанные заводные игрушки, ухмыляющиеся марионетки, оловянные заводные волчки, а между нашими кроватями стояли напольные ходики, цифры на

---

⁶ Яйцевая капсула ската.

которых были представлены изображениями апостолов. Мать, конечно, находила их чудесными. Когда мы были маленькими, она рассказывала нам историю каждого: как Андрей предпочел быть распятым на косом кресте; как Иаков был избран быть с Иисусом во время преображения и как по возвращении в Иудею он был обезглавлен Иродом Агриппой; как Матфей сменил предателя Иуду и обратил в христианство людоедов Эфиопии. Все они страдали и тяжело трудились, так что мы должны делать то же самое. Ибо Божий труд никогда не бывает легким.

Я слегка тронул Хэнни за плечо, и он обернулся ко мне.

– Мать говорит, что я должен тебя искупать, – сказал я.

Я изобразил, как скребу себя под мышками, и Хэнни улыбнулся и направился к полке, где стояло набитое чучело кряквы.

– Ее нельзя брать в ванну, – сказал я.

Он надулся и крепко прижал утку к себе.

– Ты ее испортишь, Хэнни.

Я достал полотенца, и брат последовал за мной через лестничную площадку к ванной комнате. Утку он отказался оставить и пристроил ее на край ванны, а сам погрузился в пену, прислушиваясь, как ветер завывает в трубах и стоках. Он кивнул, послушал, потом снова кивнул.

– Это просто ветер, Хэнни, – сказал я, – он не разговаривает с тобой.

Хэнни улыбнулся и сполз под воду, вызвав на поверхности целую шапку мыльных пузырей. Брат оставался под водой чуть дольше, чем это, с моей точки зрения, было бы нормально, и уже когда я собрался вытащить его наружу, он вынырнул с открытым ртом и моргая. Мокрые волосы налипли на уши и шею.

Я извлек Хэнни из ванны через полчаса. Вода остыла, и вся пена пропала. Я не спеша вытер брата в той последовательности, к которой меня приучила Мать. Это был один из многочисленных ритуалов, которым мы должны были следовать ради нашего здоровья, так же как чистка зубов горячей водой и обработка ногтей через день.

Как только Хэнни полностью высох, я стал помогать ему надеть пижаму. Но брат перестал улыбаться. Все его тело стало твердым и неподатливым, и я с большим трудом смог продеть его руки в рукава и застегнуть пуговицы. Я заметил, что Хэнни смотрит вверх меня на темнеющее небо за окном, и тогда мне стало ясно, что не так. Он понял, что мы остаемся здесь, и это ему не понравилось. Он хотел уехать домой.

Я уложил брата в постель и разрешил взять с собой набивного зайца, к которому Хэнни был привязан, надеясь, что он отвлечется от своих мыслей и заснет. Хэнни, прижав зайца к себе, гладил его по ушам, а я отошел от него и сел у окна, стараясь рассмотреть сквозь собственное отражение быстро исчезающее в сумерках море.

В комнате стало вдруг совсем тихо. Грачи замолкли. Вокруг воцарилось безмолвие, и я ощутил тревожность.

Ночь поглощала Лоуни. Я такого нигде больше не видел. Дома, в Лондоне, темнота держалась на расстоянии, съеживаясь за уличными фонарями, прячась за административными зданиями, и ее легко можно было рассеять мгновенной вспышкой света от проходящих поездов метро, пронзившей наш сад. Но здесь все было по-другому.

Здесь нечему было противостоять темноте. Холодная луна была далеко, звезды излучали тусклый свет, такой же тусклый, как и крошечные огоньки от рыбацких лодок далеко в море.

Подобно тени хищной птицы, темнота медленно перемещалась по холму, за «Якорь», по болотам, вдоль берега, через море, пока видимой не осталась только бледно-оранжевая полоска на горизонте – последний свет во всей Англии, уносимый отливом.

* * *

Я уже собирался задернуть шторы, когда увидел, как кто-то пересекает дорожку, ведущую к дому, и направляется через поле в сторону того места, где находится «Танк». Минуту спустя появился другой человек с большим рюкзаком, он догнал первого, и я увидел, как оба направились к зеленой изгороди в дальнем конце поля. Фермеры, подумал я, срезают путь к дому. Я пытался увидеть, куда они идут, но стало уже слишком темно, к тому же снова зарядил дождь.

Я услышал, как за моей спиной Хэнни вылез из кровати и принялся скрести пол, проводя ладонью по некрашенной доске и постукивая костяшками пальцев то в одном месте, то в другом.

– Что ты делаешь? – спросил я. – Ты должен быть в постели. Мать будет ругаться, если увидит, что ты не спишь.

Брат показал на пол.

– И что там?

Он снова показал на пол.

– Нет, Хэнни, ты не пойдешь вниз.

Брат улыбнулся и потянул меня за рукав, так что я вынужден был, как и он, опуститься на колени рядом с изъеденным молью розовым ковриком, лежащим посреди комнаты.

Хэнни перевернул коврик. Под ним в половице я увидел дырку от сучка, проткнутую насквозь. Туда мы когда-то прятали всякие вещички, которые хотели скрыть от Материных глаз. Я совершенно забыл о тайнике.

– Можешь открыть? – спросил я, и Хэнни просунул палец в дыру и приподнял половицу.

Соседние доски заскрипели, но эта половица легко поддалась, и Хэнни переместился к отверстию и заглянул в темноту.

– Залезь туда рукой, Хэнни, – попросил я и показал жестом, что нужно делать.

Хэнни засунул руку в нишу под полом и пошарил там. Из тайника были извлечены заржавленный перочинный ножик, совершенно тупой, порнографические картинки Билли Таппера, которые он сунул мне в руку в тот день, когда мы встретили его на автобусной остановке, пяток крысиных чучел, которые Хэнни, глазом не моргнув, вытащил и сложил в кучку.

Он мог теперь протянуть руку дальше, чем тогда, когда мы были здесь в прошлый раз. Пошарив еще, брат вытянул кожаный ремешок. Хэнни потянул за него, и мы услышали, как что-то крупное стукнулось в половицы снизу.

* * *

M1Garand⁷ – вот что выудил Хэнни. Из «Коммандо» я помню, что все янки стреляли из этой винтовки во время войны. Пули в обойме вставляются в магазин, и, когда все патроны использованы, обойма вылетает с громким щелчком – совершенно лишний сигнал для врага, говорящий о том, что вы остались без боеприпасов. Однако это был единственный недостаток винтовки. Она может пробить пулей ствол дуба.

Защищенный покрывалом, в которое была завернута винтовка, светло-коричневый деревянный приклад по-прежнему блестел, напоминая прочными полированными изгибами

---

⁷ Американская самозарядная винтовка времен Второй мировой войны.

мускул ноги скаковой лошади. Прицел, прикрепленный сверху, выглядел так, будто винтовка была способна выстрелить дальше, чем на тысячу ярдов.

Бог знает, откуда чучельник взял ее.

Я протер ствол рукавом, и мы принялись по очереди передавать винтовку друг другу, просто чтобы подержать. Затем, не зная, что делать дальше, положили ее на кровать и устались на нее.

– Она наша теперь, – сказал я. – Она принадлежит тебе и мне. Но ты не должен касаться ее без меня. Договорились?

Хэнни смотрел на меня и улыбался.

И тут раздался стук в дверь. Я быстро прикрыл винтовку одеялом и сел сверху.

Это был отец Бернард.

– Как дела, ребята? – поинтересовался он, заглядывая в дверь. – Все в порядке, устроились?

– Да, преподобный отец.

– Не возражаете, если я зайду?

– Нет, преподобный отец.

Отец Бернард зашел в комнату и закрыл за собой дверь. На нем не было этого его воротника-ошейника, рукава рубашки он закатал до локтя, обнажив похожие на свиные голяшки руки, оказавшиеся на удивление безволосыми.

– Давайте поиграем полчаса в джин-рамми, – предложил он.

Я беспокойно ерзал по кровати – винтовка врезалась мне в зад. До меня дошло, что я понятия не имею, заряжена она или нет, и, возможно, что, сидя таким образом на ней, я мог ненароком нажать на курок и прострелить отцу Бернарду коленные чашечки.

– Не знаю, как вы, мальчики, – продолжал преподобный отец, усевшись на табуретку, которую он вытащил из-под раковины, – а я совсем не устал.

Устроившись, отец Бернард вытащил из нагрудного кармана колоду карт и протянул мне, одновременно убирая «Жизнь святых» с ночного столика, чтобы освободить место.

– Сдавай, Тонто, – сказал он.

– Да, преподобный отец.

Отец Бернард отер рукавом рот, и мы начали играть, поначалу молча, но вскоре священник уже начал рассказывать о ферме, где вырос, и тогда я смог наконец немного расслабиться.

По всему судя, это был довольно жалкий домишко на острове Ратлин, бесплодном скалистом островке, о котором я никогда не слышал, где-то между графством Антрим и мысом Малл-оф-Кинтайр. На нем во множестве водились кайры, буревестники и гагарки. Туманы и болота. Безбрежное серое море. Такое место нетрудно было себе представить.

Единственное, что заслуживает упоминания, это что именно здесь паук предположительно подстрекал Роберта Брюса поколотить англичан⁸, на что англичане ответили, вырезав МакДоннелов. Даже детей. Наверняка пятна крови все еще можно отыскать на скалах, так как море отказывалось их смывать.

На острове случалось так мало событий, что воспоминания о них были такими же долгими, как и суровые зимы, с которых отец Бернард начинал свои рассказы.

---

⁸ Согласно шотландскому преданию, в 1305 г. Роберт Брюс был вынужден бежать от захвативших Шотландию англичан и укрылся на маленьком о. Ратлин близ побережья Ирландии. Многие его сторонники на родине уже считали Брюса погибшим, а его дело безнадежно проигранным. И вот однажды, лежа на скамье в своем жилище на о. Ратлин, Брюс обратил внимание на паука, который раз за разом безуспешно пытался закрепить свою паутину на потолочной балке. Когда сорвалась его шестая попытка, Брюс сказал пауку: «Посмотрим, что ты будешь делать сейчас. Я тоже шесть раз пытался стать королем и все время терпел неудачу». Паук предпринял седьмую попытку, и она оказалась успешной. Вскоре после того Брюс покинул островок и высадился в Шотландии. Восстание вспыхнуло с новой силой, и с той поры удача уже не изменяла Брюсу вплоть до окончательного восстановления независимости Шотландии.

– Слышите шум дождя? – спросил он, взглянув в сторону окна. – Он напоминает мне о той зиме, когда затопило все наши запасы.

– Когда это было, преподобный отец?

– Да я тогда был совсем мальцом. Мне было не больше восьми-десяти лет.

– Что же произошло, преподобный отец?

– Папаша мой, возлюби его Господь, был добрым фермером, но паршивым кровельщиком. Он латал крышу амбара кусками старых досок, понимаете, а они прогнили, как все на этом острове. Однажды ночью крыша рухнула вниз, и, почитай, вся наша еда до крошки была уничтожена. Помню, матушка гонялась за каждым пучком морковки или репы, что выплывали у нас со двора... Мне бы не следовало смеяться, – продолжал отец Бернард. – Это было совсем не смешно. Мы, можно сказать, голодали.

– А скот у вас был, преподобный отец?

– Конечно.

– Вы не могли его пустить в пищу?

– Если бы мы это сделали, мы бы и обеднели, и оголодали к началу новогодней ярмарки в Бэлли-кастле. Мы и так почти голодали как раз из-за животных. Мы должны были сначала их накормить, понимаешь?

– А вы не могли добыть себе еды где-нибудь?

– Ага, могли, – усмехнулся отец Бернард. – О'Коннеллы с фермы через дорогу приходили с картошкой и мясом, но папаша был слишком горд, чтобы принимать что-нибудь от них. Он считал, что пусть лучше мы все отощаем, чем примем милостыню. Когда матушка узнала об этом, она пришла в ярость. Это был единственный раз, когда она повысила на отца голос. А когда О'Коннеллы пришли снова, она взяла все, что те принесли... Знаешь, Тонто, я, может быть, не в своем уме, но, по-моему, папаша сильно изменился с тех пор. Думаю, его добило, что его гордыню вот так принесли в жертву.

Я сдал карты и положил колоду на середину стола.

– Как бы там ни было, – засмеялся отец Бернард, – продолжаем. Как у тебя дела в школе? Почти закончил, верно?

– Да, преподобный отец.

– Экзамены на носу, а?

– Да.

– Смотри учись хорошо. А то станешь священником...

Отец Бернард улыбнулся и сложил свои карты, хлопнув ими по столу.

– Ты молодцом в школе, а?

– Да, преподобный отец.

– Я был чистым наказанием, – усмехнулся отец Бернард, – в те дни, когда меня удавалось загнать в школу. – Он развернул карты веером и пошел одной. – Но представь, Тонто, ты бы тоже туда не ходил, если бы видел это место.

– Почему так, преподобный отец?

– Нас было пятьдесят учеников в одном помещении. У половины детей не было башмаков. А было так холодно зимой, что иней выступал на стенах. Можешь себе представить?

– Нет, преподобный отец.

Отец Бернард нахмурился, глядя на мое лицо, потом засмеялся:

– Это я тебя разыгрываю. Все было не так плохо. За исключением О'Фланнери. – Он бросил карту в общую кучку, перед тем как вытащить другую. – Ты точно не захочешь, чтобы рядом с тобой оказался такой вот О'Фланнери. Такие учителя давно уже не в почете. Ты ведь понимаешь, что я имею в виду? Такой, знаешь, ретроград, ярый сторонник жестких мер.

– Да, преподобный отец.

– Кое-кто из ребят говорил, что он носит власяницу. И я б не удивился, лицо у него временами было под стать. Ты ведь знаешь, что такое власяница, Тонто?

– Да, преподобный отец.

Отец Бернард постучал пальцами по картам, пошел с одной и улыбнулся.

– Сейчас мне все это смешно, – продолжал он, – но О’Фланнери был завзятый мучитель. Мамаши и папаши и те его боялись. Он сразу давал понять, что с первого же дня вобьет в тебя страх Божий.

– Как это?

– Каждый раз, когда в класс приходил новенький, о’Фланнери задавал ему один и тот же вопрос.

– Какой же?

– Надо было перевести *dura lex, sed lex*⁹. – Отец Бернард посмотрел на меня. – Да, вот и они корчили рожи. Прямо перед тем, как получить палкой по заднице. – Он сжал губы и покачал головой. – Знаешь, я до сих пор чувствую, каково это. Учитель бил старой березовой палкой с такой силой, что дальше ему уже ничего не надо было делать, чтобы держать нас, глупых щенков, в узде. Ему достаточно было только подойти к столу и дотронуться до него рукой. Мы затыкались в одно мгновение, могу тебе сказать.

– А другие учителя у вас все-таки были, преподобный отец?

– Да, в конце концов.

– Как это?

Отец Бернард усмехнулся:

– Карьера мистера О’Фланнери быстро закончилась, скажем так.

– Почему? Что произошло?

– Этот придурок свалился со скал в Ру Пойнт, когда фотографировал буревестников. Когда нам сообщили об этом в понедельник утром, все ликовали, и должен признаться, к моему вечному стыду, что и я тоже. Мы все еще веселились, когда пришел директор. Ну, думаю, все, конец. Ну, ты понимаешь. Но он совсем не орал на нас. Он знал, кто такой был О’Фланнери. И что люди о нем думали. Он просто присел на край стола и стал задавать нам вопросы по географии, по математике... И знаешь что? Вместе мы ответили на все до единого вопросы. Он, наверно, пробыл с нами час, а в конце сказал кое-что, что я до сих пор не забыл.

– Что же это, преподобный отец?

– Он сказал: «Придет время, когда каждый из вас скажет „спасибо“ этому человеку, который вложил в вас мозги».

Потом он встал и вышел. Директор был прав. Он был безжалостный, О’Фланнери, и я всегда его ненавидел, но в каком-то смысле я ему благодарен, понимаешь? Не так много найдется его уроков, которые бы я не помнил.

– А что это значило, преподобный отец?

– Что значило что?

– Ну та фраза на латинском.

Отец Бернард засмеялся:

– Закон суров, но это закон. Еще было, ну-ка... *Ex fructu arbor agnoscitur*¹⁰ и *Veritas vos liberabit*¹¹.

– А что это означает, преподобный отец?

– Истина сделает вас свободными, – ответил священник и бросил карту на стол.

---

⁹ Закон суров, но это закон (*лат.*).

¹⁰ По плоду узнается дерево (*лат.*).

¹¹ Истина сделает вас свободными (*лат.*).

– Иоанн, – не задумываясь, сказал я.

Отец Бернард поднял брови и с интересом посмотрел на меня:

– Отец Уилфрид многому тебя научил, а?

Я кивнул и собирался показать Хэнни, какой картой ходить, как вдруг понял, что он выиграл.

– Открываем, – сказал я и перевернул карты перед отцом Бернардом.

Хэнни схватил их и прижал к груди.

– Все в порядке, Хэнни, – сказал я. – Ты выиграл. Ты победитель.

– Точно, он победитель, – засмеялся отец Бернард.

Он взглянул на Хэнни и бросил свои карты на стол.

А потом он откинулся на спинку стула и наблюдал за мной, пока я складывал карты в колоду, чтобы снова их раздать.

– Я хочу на самом деле кое о чем тебя попросить, Тонто, – вдруг сказал отец Бернард.

– Да, преподобный отец?

– От имени мистера Белдербосса.

– Да, преподобный отец?

– Когда отец Уилфрид скончался, – вздохнул священник, – оказалось, что не хватает одной вещи. Тетради. Ты, часом, не знаешь, где она может быть?

– Тетрадь?

– Да, дневник или блокнот, ну, знаешь, что-то в этом роде. Она очень важна. Для семьи.

Мистер Белдербосс очень хотел бы получить ее обратно.

– Я не знаю, преподобный отец.

– В ризнице ее не может быть? Или в жилых помещениях?

– Нет, преподобный отец.

– Как ты думаешь, кто-то из ребят может знать?

– Я не знаю, преподобный отец.

– Имеет мне смысл спросить их?

– Не могу сказать, преподобный отец. Может быть.

Отец Бернард взглянул на меня, и я начал сдавать карты.

– Понимаешь, Тонто, исповедь предполагает обязательство хранить тайну. Я не смогу рассказать ни одной душе то, что ты скажешь мне, – сказал он. Затем, помолчав минуту, продолжил: – Даже если мне пистолет к виску приставят.

Я быстро взглянул на священника, предполагая, что он каким-то образом смог увидеть винтовку, но отец Бернард собрал карты вместе и принялся перебирать их.

– Но я же не на исповеди, преподобный отец, – улыбнулся я.

Он засмеялся. С лестницы послышался голос Матери – она звала священника.

– Подумай об этом, Тонто, – попросил он и поднялся, чтобы открыть дверь. – Если что-нибудь придет тебе в голову, дай мне знать.

Мать вошла.

– А, вы здесь, – сказала она. – Надеюсь, эти двое не слишком вас задерживают, преподобный отец.

– Совсем нет, миссис Смит, – отвечал он. – Я просто хотел посмотреть, лучше ли они играют в карты, чем раньше.

– А... – отозвалась Мать, смущенная оттого, что отец Бернард изобрел какой-то изощренный тест с целью определить, не играем ли мы тайно в азартные игры. – И как, лучше?

– Совсем нет, – ответил священник, подмигивая мне. – По-прежнему страшно мухлюют.

– А... – протянула Мать, – ну, если можно, я хотела бы отвлечь вас на минутку, преподобный отец. Есть несколько моментов, которые я хотела бы с вами обсудить.

– Я в вашем распоряжении, миссис Смит, – ответил отец Бернард.

Он встал и направился к выходу мимо Матери, которая придержала для него дверь.

Когда он спустился по лестнице вниз, Мать набросилась на меня:

– Почему Эндрю еще не спит? Ты же знаешь, что он плохо себя чувствует, когда устает.

– Знаю.

– Так, если ты знаешь, прекрати паясничать и уложи его спать.

– Хорошо.

Мать оглядела нас обоих и вышла. Я немного подождал и выскользнул за дверь к лестнице.

– Не знаю, осознали ли вы это, преподобный отец, – начала Мать, когда они спустились вниз, – но отец Уилфрид был всегда открыт для исповеди, когда мы приезжали сюда.

Они остановились в коридоре рядом с комнатой отца Бернарда. Мать скрестила руки на груди – поза, которую она стала принимать с тех пор, как отец Бернард появился в Сент-Джуд.

– Понимаю, – согласился он и кивком головы указал на дверь чулана под лестницей. – Не здесь, наверно?

Мать одарила священника снисходительной улыбкой:

– Нет, мы использовали для этого комнату отца Уилфрида. Это ваша комната. В ней есть небольшой занавес вокруг умывальника, вы видели.

– А...

– Этот угол легко приспособивался под исповедальню.

– Не сомневаюсь.

Мать придвинулась к священнику поближе.

– Я, собственно, не за себя прошу, преподобный отец, – сказала она. – А за других. За мистера и миссис Белдербосс, вообще-то. Они верят, что это место и это время года, в общем, очень подходят для того, чтобы открыться Богу. Это возможность для очищения души, вы понимаете?

Отец Бернард слегка коснулся рукой плеча Матери:

– Миссис Смит, будьте уверены, что я выслушаю все, что вы пожелаете рассказать мне.

– Благодарю вас, преподобный отец. – Мать почтительно наклонила голову. – А теперь об Эндрю.

– Да?

– Очень важно, чтобы он постился вместе со всеми в эти выходные. Я уверена, вы согласитесь с тем, что он должен быть правильно подготовлен.

– Да, конечно.

– Тогда мне понадобится ваша помощь, преподобный отец.

– Само собой разумеется, миссис Смит.

– Так что, когда мы будем в самой обители...

Они переместились в кухню, но я знал, что Мать скажет отцу Бернарду. Что она от него хочет. Как они заставят Хэнни выпить воды. Как сила Иисуса очистит его тело и изгонит немощ, из-за которой он молчит с момента появления на свет.

Когда они закрыли дверь, я вернулся в спальню. Хэнни стоял около окна. Он извлек винтовку из-под одеяла. Брат помахал мне, потом потерял кончик курка, вывернул мушку и, прежде чем я успел сказать, чтобы он положил винтовку, вскинул ее, направил на меня и нажал курок.

Глава 6

Секунду я думал, что мертв. Я мертв, и это хорошо. Я чувствовал странное освобождение, что все кончилось, да еще быстро и безболезненно, на что я всегда надеялся. Однако Хэнни по-прежнему был на месте, я по-прежнему находился в комнате, мы по-прежнему были в «Якоре». Я понял, что задерживаю дыхание, выдохнул воздух и подошел к брату:

– Отдай!

Хэнни отказался отдать винтовку и отвернулся от меня, вцепившись в винтовку и прижимая ее к груди. В Пайнлендс у него всегда что-нибудь отбирали, и братец научился защищать свою территорию. Вызывает уважение, что тут скажешь, но я не мог позволить Хэнни думать, будто он может маршировать с винтовкой наперевес по «Якору». Мать хватит удар, а я буду виноват, и каюк всему.

– Я сказал, отдай.

Я протянул руки, и, почувствовав, что я говорю серьезно, Хэнни отдал винтовку. Я обмотал ремень вокруг приклада, засунул винтовку под половицы и сверху снова положил коврик.

Хэнни сел на кровать, по-детски скрестив ноги, взялся руками за щиколотки и, поерзав, засунул ступни под зад. Он схватил книжку, которую Отец Бернард убрал со столика, и открыл ее – хотел, чтобы я почитал ему.

– Тебе пора спать, Хэнни, – сказал я. – Ты слышал, что сказала Мать. Она будет ругаться.

Брат перелистнул несколько страниц и нашел рассказ, который его интересовал.

– Хорошо, Хэнни. Но потом ты должен лечь спать, или я получу по шее.

Едва мы дошли до середины рассказа, как Хэнни уже храпел. Я выключил лампу, но сон не приходил, и я лежал какое-то время в темноте, потом достал из своей сумки фонарь, поднял оторванную половицу и снова вытащил винтовку, чтобы ее осмотреть. Я провел рукой по металлу, нащупал болт и открыл ствольную коробку. Она, конечно, была пустая. С тихим щелчком я захлопнул ее снова и засунул винтовку обратно под половицы.

Я снова лег и попытался заснуть, но был слишком возбужден, поэтому, вместо того чтобы пялиться в темноту, я вышел из спальни на лестницу и принялся разглядывать фотографии чучельника и его жены, развешанные по стенам.

* * *

Тщедушный человек, он, кажется, располагал всего лишь одной рубашкой все то время, что жил в «Якоре». Круглые очки и прилизанные волосы делали его похожим на Чарльза Хоутри¹², подумал я. Или Гиммлера.

На каждом снимке этот человек и его жена позировали с чучелом какого-нибудь животного, которое помещали между собой. Львица. Бобер на задних лапах. Кенгуру в боксерских перчатках. В углу аккуратным почерком была написана дата.

Бедолага! Ясно, что он попросту рехнулся, когда его жена умерла. Завершил свой путь в психушке где-то рядом с Престоном. Я всегда представлял, как чучельник все рисует и рисует морские пейзажи, каждый раз лодки становятся все меньше, а тучи все больше, пока наконец не остается ничего, кроме страшной бури.

---

¹² Чарльз Хоутри (30 ноября 1914 г. – 27 октября 1988 г.), английский комедийный актер и музыкант.

Пока я смотрел фотографии, кто-то вышел из гостиной и тихонько постучал в дверь комнаты отца Бернарда. По характерному сопению я понял, что это была миссис Белдербосс.

– Приветствую вас, преподобный отец, – сказала она, когда дверь открылась.

– Миссис Белдербосс? – удивился священник.

– Эстер говорила вам об исповеди?

– Да-да.

– Можно войти, преподобный отец?

– Да, входите. Но вы точно сейчас хотите? Уже поздно.

Голос миссис Белдербосс упал до шепота:

– Я знаю, но Рег спит на диване. И я подумала, что у меня как раз есть возможность. Уже давно мне очень хочется сбросить груз с души.

Миссис Белдербосс вошла в комнату отца Бернарда и закрыла дверь. Я притаился, стараясь услышать, что там происходит, но до меня доносилось только неразборчивое бормотание. Даже на нижней площадке лестницы голоса звучали приглушенно. Я осмотрелся по сторонам, чтобы убедиться, что никого нет, и проскользнул в шкафчик, где хранился хозяйственный инвентарь. Устроившись между щетками и швабрами, я мог отчетливо слышать разговор. Стена между шкафчиком и комнатой отца Бернарда была сделана из фанеры, и там, где сырость покорила дерево, образовались щели, сквозь которые в шкафчик проникали узкие полосы света.

Я не хотел оставаться здесь. Такой безнравственный поступок был равносителен падению в пропасть. Слушать исповедь миссис Белдербосс было бы то же самое, что смотреть, как она раздевается. Но теперь, когда я надежно укрылся здесь, мне было бы трудно выбраться отсюда без шума, и я рассудил, что лучше затаиться и подождать, пока они закончат. Я с трудом мог представить, чтобы миссис Белдербосс было много в чем признаваться.

Я услышал звяканье металлических колец – это отец Бернард задернул занавеску вокруг умывальника.

Миссис Белдербосс прочитала молитву о прощении, и отец Бернард спросил:

– О чем вы хотите мне рассказать?

– О Реге, преподобный отец, – ответила миссис Белдербосс.

– Слушаю вас.

– Я беспокоюсь о нем.

– Почему же?

– Он не спит, преподобный отец. Я имею в виду, дома. Он долго лежит, таращится в потолок, потом встает и уходит.

– Куда же он идет?

– Ну, в этом все дело. Я спрашивала его, но он не отвечает, во всяком случае, не до конца. Он просто говорит, что не может спать и выходит пройтись, чтобы выбросить все мысли из головы. Выбросить какие мысли? Я спрашиваю его, а он меняет тему разговора или сердится на меня.

– Дело, по-видимому, в его брате?

– Вы говорите об отце Уилфриде? Нет. Я так не думаю. Рег бы сказал, если бы это его тревожило. Если уж на то пошло, он занял необыкновенно философскую позицию, когда его брат скончался.

– Вы понимаете, миссис Белдербосс, часто бывает трудно объяснить, как мы чувствуем себя, когда умирает кто-то из близких. Даже тем, кого мы любим. Люди могут надевать маску, притворяться. Уилфрид ведь ушел совершенно неожиданно. Возможно, мистер Белдербосс не совсем смирился с этим. Скорбь в любом случае – чувство совершенно особенное и в сочетании с потрясением может длиться очень долго, прежде чем с ним удастся справиться.

– Он уже целый месяц такой. Бог знает, что соседи подумают.

Последовало молчание, потом отец Бернард спросил:

– В чем именно вы хотите исповедаться, миссис Белдербосс?

– В общем, – начала женщина, – я так беспокоилась за мужа, преподобный отец, когда он бродил и бродил часами, и это при его-то сердце и больном бедре. Вам ведь доводится слышать о всяких ужасах, правда? Разные люди шляются по ночам, и они не постесняются воспользоваться слабостью таких незащитных людей, как Рег.

– Да, продолжайте.

– Ну, я пошла в аптеку узнать, нет ли у них чего-нибудь, что могло бы помочь моему бедному мужу.

– Не уверен, что понимаю вас, миссис Белдербосс.

– Для Рега. Принять что-нибудь. Чтобы он мог заснуть.

– И что, дали?

– Да. Только Рег не принимал лекарство, вот так. Вы же знаете, какой он.

– Да.

– Так что я растолкла пилюли и высыпала ему в его Хорликс¹³.

Отец Бернард прокашлялся.

– Я чувствую себя ужасно, преподобный отец, но я не могла больше выносить это. Я боюсь, когда Рег уходит. Понимаете? Это случается, ведь так? Всегда начинается с таких вот мелочей... Говорят, нужно следить за предупреждающими сигналами, ведь так?

– И как, помогло? – спросил отец Бернард. – Я имею в виду лекарство?

– Это была первая нормальная ночь Рега за несколько недель, но меня все время гложет вина, и теперь я не могу заснуть. Я ведь нехорошо поступила, правда, преподобный отец?

– Я бы так не сказал, миссис Белдербосс.

– Но я подмешала снотворное собственному мужу.

– Миссис Белдербосс, – улыбнулся отец Бернард, – когда я смотрю на вас и вашего мужа, я вижу любовь, которую Господь желал бы дать всем нам, если бы только это было возможно. В вашем сердце нет злого умысла. Самая страшная ваша вина – что вы немножко впали в отчаяние, а это участь очень многих, поверьте. Идите прочитайте молитву по четкам и попросите Господа о помощи и терпении с Регом. Он сам скажет вам, что с ним, когда придет время.

– Вы уверены, что мне больше ничего не надо делать?

– Совершенно уверен.

Последовало молчание, потом отец Бернард снова заговорил:

– У вас немного разочарованный вид, миссис Белдербосс.

– Нет, преподобный отец.

– Вы ожидали, что я скажу что-то еще?

– Нет. – Миссис Белдербосс секунду помолчала, потом вздохнула: – Ах, не знаю. Возможно, вы правы насчет Уилфрида, преподобный отец. В конце концов, всего несколько месяцев прошло. И ушел его брат, как вы говорите, совершенно внезапно.

– Точно.

– Он ведь устанет слоняться с места на место, правда, преподобный отец? Как только перестанет так расстраиваться.

– Не сомневаюсь, так оно и будет, миссис Белдербосс. Все еще слишком свежо в его памяти, должно еще пройти время. Вряд ли у людей меняются чувства по отношению к умершим, но сила чувств, без сомнения, ослабевает, если дать пройти какому-то времени. Я сильно тосковал по матушке и отцу, когда они ушли, так сильно, что даже не мог думать о них. Прошло немало времени, прежде чем я смог говорить о них. Теперь мне воспоминание

---

¹³ Хорликс (Horlicks) – название укрепляющего молочного напитка одноименной компании.

о них приносит радость, я чувствую себя очень близким им, и я знаю, что они на самом деле никуда не ушли. Это чувство не лишено сходства с нашими взаимоотношениями с Богом, миссис Белдербосс. Как там у Иешуа?

– Простите, преподобный отец?

– Иешуа, глава первая: «Будь тверд и мужествен. Не страшись и не ужасайся, ибо с тобою Господь Бог твой везде, куда ни пойдешь». – Отец Бернард тихо засмеялся: – Простите, можно ли так жутко хвастаться знанием текстов? В школе меня заставили вызубрить все это наизусть.

– Вы, конечно, правы, преподобный отец, – вздохнула миссис Белдербосс. – В самой глубине души я знаю, что Уилфрид смотрит на нас сверху и охраняет нас, но просто он кажется таким... таким отсутствующим.

– Думаю, скорбь проистекает как раз из этого противоречия.

– Да, это возможно, преподобный отец.

– Постарайтесь уснуть и поспите подольше, миссис Белдербосс. Я уверен, что утром вы поймете, что не все так плохо.

– Я постараюсь, преподобный отец. Спокойной ночи.

Я слышал, как женщина прошла мимо меня и поднялась по лестнице. Когда все затихло, я выбрался из шкафчика и вернулся в комнату. Перед тем как лечь спать, я еще раз подержал в руках винтовку.

Глава 7

Поздно ночью я слышал какие-то далекие голоса. Крики. Улюлюканье. Что-то вроде звуков боевого танца. Все это продолжалось несколько секунд, и я подумал, что мне все это снится. Но утром все только и говорили об этом за завтраком, который состоял из чудесного рагу – Мать начала готовить его, как только рассвело.

– Я потом так и не сомкнула глаз, – объявила миссис Белдербосс.

– Я бы не стал особенно волноваться на этот счет, – усмехнулся отец Бернард. – Вполне возможно, что это фермеры подзывали своих собак, да, Монро?

Он протянул руку и потрепал Монро за шею.

– В три утра? – засомневалась миссис Белдербосс.

– У фермеров свое время, Мэри, – заметила Мать.

– Лучше бы, как у всех, – улыбнулась миссис Белдербосс.

– Мне казалось, что звук как будто исходил со стороны моря, – сказал мистер Белдербосс. – Как, по-вашему?

Все пожалы плечами и занялись чаем. Только мисс Банс выдала еще один комментарий.

– В Гласфиниде ночью стоит полная тишина, – заявила она.

Мать бросила на нее уничтожающий взгляд и принялась собирать со стола посуду.

Я ничего не сказал, к тому же я не мог быть уверен в том, что рев ветра за стенами дома в эти ранние часы не обманул мой слух, но, когда я лежал в темноте, я был уверен, что голоса доносились из леса.

Я размышлял, не следует ли мне догнать отца Бернарда, когда все уже выходили из столовой, и рассказать ему об этом, но в этот момент из кухни донесся грохот, и мы услышали крик Матери.

Я пошел в кухню посмотреть, что произошло, и увидел, что она нагибает Хэнни над раковиной, засунув пальцы ему в рот. Хэнни схватился за край таза. Блюдо, в котором было рагу, оставленное на вечер, расколовшись на части, валялось на полу, залитом подливой с кусками мяса.

– Выплюни, – повторяла Мать. – Избавься от этого.

Хэнни проглотил то, что у него было во рту, и Мать издала вздох досады и отпустила его.

Рядом со мной появился отец Бернард. Затем пришел Родитель.

– Что случилось, миссис Смит? – спросил отец Бернард.

– Эндрю ел рагу, – ответила Мать.

– Ему явно не удалось съесть много, – засмеялся священник.

– Я же говорила вам, преподобный отец. Он должен соблюдать пост, как все мы, – сказала Мать. – Это очень важно. Он должен быть полностью подготовлен.

– Не думаю, чтобы немножко овощей с мясом сильно повредили ему, Эстер, – заметил Родитель.

– Он съел половину, – возразила Мать, указывая на коричневую подливку, которую уже с интересом обнюхивал Монро.

Отец Бернард позвал собаку, но Мать пренебрежительно махнула рукой:

– Пусть ест, преподобный отец. Теперь уже все равно.

Хэнни принялся облизывать пальцы. И тут Мать, тяжело дыша, схватила его за руку и потащила к задней двери. Открыв ее навстречу струям дождя, она до тех пор запихивала пальцы Хэнни все глубже в глотку, пока он не вывернул содержимое желудка на ступеньки.

Я умыл брата в кухонной раковине и отвел его в спальню прилечь.

Я попытался уговорить Хэнни еще поспать, но он по-прежнему был возбужден и постоянно ходил в туалет. Каждый раз он возвращался оттуда все более бледным, с покрасневшими, воспаленными глазами. Наконец он сел на край моей кровати, гремя банкой с гвоздями.

– Где болит, Хэнни? – спросил я, прикасаясь к его вискам, лбу и макушке.

Он расположил руки на голове, образуя каску. Болело везде.

– Попробуй уснуть, Хэнни, – предложил я. – Тебе станет лучше.

Брат взглянул на меня, затем коснулся матраса.

– Хорошо, – сказал я, – но только недолго.

Я лег рядом с ним, и через несколько минут он захрапел. Я постарался как можно тише выбраться из кровати и вышел из комнаты.

Дождь перестал, последние капли воды стекали по старым водосточным канавкам, проложенным по булыжнику к массивной сточной решетке посередине двора.

Снаружи, как и внутри, «Якорь» производил впечатление места, которое жители многократно покидали. Места, обманувшего надежды и заброшенного. Стены, окружающие двор, развалились, превратившись в мозаику из камней разного размера, которые никто не мог сложить заново, поэтому разломы были просто затянуты проволокой. В углу можно было видеть небольшой сарай с жестяной крышей. Он был заперт, обнесен цепью, птичий помет обильно покрывал его стенки. А дальше, за пределами двора, начинались огромные пустынные поля, так давно не возделывавшиеся, что ржавые плуги, культиваторы, сеялки, брошенные там еще с тех времен, когда мы только начали ездить в Лоуни, были почти полностью погребены под зарослями крапивы и терновника.

С моря дул порывистый ветер, словно проводя гигантской расческой по низкорослой траве и бросая в дрожь стоячую воду в крупных водоемах. Послышались какие-то звуки. Я обернулся. Рядом со мной стоял отец Бернард.

– Эндрю в порядке?

– Да, преподобный отец. Он спит.

– Хорошо.

Священник улыбнулся и кивнул головой в сторону моря:

– Вы раньше приезжали сюда каждый год?

– Да.

Он недоверчиво присвистнул:

– Не сказать чтобы здесь было много развлечений для мальчишки.

– Нормально было.

– Напоминает мне места, где я вырос. Мне не терпелось уехать оттуда. Скажу тебе, когда меня направили в Ардойн, жилье, которое мне предоставили, было просто райским по сравнению с тем, что на острове Ратлин. Для начала, в доме был туалет.

– И как там было? Как в Белфасте? – спросил я.

Я каждый вечер смотрел репортажи про него в новостях: баррикады, бутылки с огнесмесью...

Отец Бернард посмотрел на меня, понял, о чем я спрашиваю, и снова перевел взгляд на поле:

– Ты не захочешь там оказаться, Тонто. Поверь мне.

– Пожалуйста, преподобный отец.

– Откуда такой внезапный интерес?

Я пожал плечами.

– В другой раз, ладно? Хватит того, что Крамлин-Роуд в июле совсем не забава... –

Отец Бернард кивнул в сторону поля. – Я собираюсь прогуляться. Хочешь со мной?

Священник раздвинул проволоку, я пролез сквозь нее и в свою очередь сделал то же самое для него. Оказавшись с другой стороны ограды, отец Бернард оправил куртку, и мы двинулись в сторону «Танка», спугнув пару куликов, которые с шумом вырвались из травы и улетели.

– Она желает добра, – сказал отец Бернард. – Твоя мать. Она только хочет помочь Эндрю.

– Я знаю, – вздохнул я.

– Со стороны это, может быть, выглядит и не так, но она сейчас в страхе.

– Да.

– А страх толкает людей на странные вещи.

– Да, преподобный отец, я знаю.

Священник похлопал меня по плечу и сунул руки в карманы.

– Ему станет лучше? – спросил я. Вопрос вырвался, прежде чем я смог себя остановить.

Отец Бернард оглянулся на дом:

– Что ты имеешь в виду под словом «лучше», Тонто?

Я колебался, и тогда отец Бернард, подумав секунду, задал этот вопрос по-другому.

– Я хочу сказать, что бы ты изменил в нем? – спросил он.

Я никогда раньше не думал об этом.

– Не знаю, преподобный отец. Чтобы Хэнни мог говорить.

– Это то, что тебе хотелось бы? Чтобы он заговорил?

– Да.

– Похоже, ты не очень уверен.

– Я уверен, преподобный отец.

– А ты думаешь, что Эндрю из-за этого несчастлив? Из-за того, что он не может говорить?

– Не знаю. Вроде бы не очень похоже.

Отец Бернард взвесил мои слова с глубоким вздохом, а затем заговорил:

– Послушай, не знаю, будет ли Эндрю лучше в том смысле, в каком ты хочешь. Тут Бог решает. Все, что ты можешь, это молиться и положиться на Него в том, что, как Он решит, так и будет лучше всего для Эндрю. Ты еще молишься, Тонто?

– Да.

Отец Бернард насмешливо улыбнулся. Хоть он и задал вопрос, но я думаю, он знал, что я не молюсь, и причем уже давно. Священники, как доктора, знают, что люди врут, чтобы не разочаровывать их.

Мы подошли к «Танку», и отец Бернард положил руку на камень и пощупал поверхность. Он провел пальцем вдоль длинной трещины и выудил клочок мха, пропуская его волокна между пальцев:

– Богу известно, что нелегкий это путь, понимаешь? Он позволяет сомневаться в вере снова и снова. – Отец Бернард пристально разглядывал окаменелых моллюсков и аммониты. – А теперь, великий мудрец, скажи-ка, что там говорится в пятнадцатой главе у Луки.

– Насчет заблудшей овцы?

– Да. Ишь, раз ты помнишь это, значит, ты точно еще не проклят на веки вечные.

Отец Бернард двинулся вокруг камня, нащупывая, за что ухватиться, потом подтянулся и влез на самый верх. Уперев руки в бедра, он оглядел пейзаж, а затем его внимание привлекло что-то под ногами.

– Эй, Тонто, – позвал он. – Лезь сюда.

Он опустился на колени и принялся водить пальцами в наполненной водой выемке. Потом озадаченно посмотрел на меня.

– Это буллаун, – сказал он. – Мальчишкой я видел такой у нас на ферме...

Он снова взглянул на меня, взял мою руку и прижал пальцы к краям выемки.

– Чувствуешь, как гладко? Это не вода прорезала. Это вырезано человеком.

– А для чего, преподобный отец?

– Такие вырезали лет сто назад, чтобы собирать дождь. Тогда считали, что, когда вода не касается земли, она обладает магическими свойствами.

Он поднялся и вытер руки о куртку.

– Бабушка заставляла коров на нашем поле пить из него. А если у меня случался жар, она вела меня к нему и купала в воде, чтобы вылечить меня.

– И получалось?

Священник глянул на меня, нахмурился, потом коротко рассмеялся:

– Нет, Тонто, не получалось.

Он слез вниз. Я уже собирался сделать то же самое, как увидел, что на дороге внизу остановился «лендровер». По кресту на дверце я определил, что это была машина Клемента, но самого его в машине не было.

Два человека на переднем сиденье повернули головы в мою сторону, хотя трудно было сказать, смотрят они на меня, на «Якорь» или на рощу позади дома. На что бы они ни смотрели, даже с этого расстояния было видно, что это те двое, которых накануне отец Бернард просил помочь. Один был похож на быка, второй был с собакой. Паркинсон и Коллиер.

– Что это был за шум ночью, преподобный отец? – спросил я.

– Между нами, – отвечал он, – я не слышал ни звука.

– Но вы сказали, что это фермеры.

– Я малость приврал.

– Вы солгали им?

– Слушай, Тонто, я просто старался уверить их в том, что им не грозит быть убитыми в собственных постелях. Ты идешь?

– Да, преподобный отец.

Я оглянулся на «лендровер», и мгновение спустя автомобиль тронулся, выпустив струю серо-голубого дыма.

* * *

Когда я вернулся, Хэнни по-прежнему спал. Мать все еще не простила его, и поднимать его, одевать и возиться с его головной болью было ей не по силам. Поэтому она позволила брату оставаться в постели, пока сами они отправились в церковь на мессу благословения еля и обряд омовения ног. В комплекс мероприятий по подготовке Хэнни к обители это не входило, и если он придет, то только все испортит.

– Но не давай ему бездельничать целый день, – перед уходом предупредила меня Мать, взглянув наверх.

– И не балуйтесь, – напутствовал Родитель, сдергивая кепку с вешалки и помогая Белдербоссам выйти.

Я проводил их взглядом, а когда закрыл дверь и повернулся к лестнице, Хэнни уже стоял наверху на лестнице. Он тоже ждал, когда взрослые уйдут. Теперь мы можем наконец пойти на побережье. Можем покинуть их мир и обрести собственный.

Глава 8

С того самого момента, как было решено снова отправиться в «Якорь», я много раз мысленно репетировал эту прогулку на побережье, стараясь воссоздать в памяти дорогу и все то, что я сумел когда-то увидеть на другой стороне. Мне вспоминался одинокий кривой боярышник, нависающий над дорогой, похожий на человека, выжившего в кораблекрушении, когда, шатаясь, он выбирается на сушу, истерзанный и сломленный морем. Я представлял, как ветер, проложивший себе путь через камыш, подернул рябью черные воды, как он задерживает в нерешительности море между дюнами.

Это был реальный мир, такой, каким он и должен быть, а не тот, погребенный в Лондоне под тяжестью залитых бетоном торговых площадей и улиц с нескончаемыми рядами цветочных ларьков, всевозможных офисов, букмекерских контор, скрытый за фасадами торговых центров, школ, пабов и игорных залов.

В Лоуни жизнь протекала так, как должно. Ветер, дождь, море существовали здесь в первозданном виде. Природа была в ладу с самой собой. Процессы умирания и возрождения происходили здесь без чьего-либо участия. Кроме моего и Хэнни.

Когда мы подошли к подножию дюн, то свернули с дороги и скинули сапоги, чтобы ощутить холодный песок под ногами.

Я повесил винтовку через плечо за спиной и помог Хэнни подняться. Он непременно пожелал взять с собой школьный ранец с чучелами крыс и теперь продолжал соскальзывать вниз, прорезая ногами глубокие борозды в песке.

Наверху нам открылось безбрежное, до горизонта, серое море, распластанное под гигантским монолитом неба. Прилив быстро наступал, заполняя водой прибрежные отмели.

Все здесь осталось точно таким же, как раньше, разве что на стенке дота кто-то при помощи баллончика с краской неумело изобразил свастику в качестве сопровождения к буквам *NF*.

– Как ты сейчас себя чувствуешь, Хэнни? – спросил я и коснулся рукой его лба, как делала всегда Мать, когда хотела проверить температуру.

Брат покачал головой, улыбаясь. Головная боль прошла.

– Мать хочет, как лучше, – сказал я. – Она просто боится, что ты не выздоровеешь. А из-за страха люди делают странные вещи, понимаешь?

Мы шли по берегу вдоль неровной полосы вынесенного морем мусора. Там были чайки, раздавленные и изломанные морем: комочки костей и перьев. Огромные серые пни, отполированные до металлического блеска, вынесло на песок, и они валялись, как брошенная боевая техника военного времени. Море будто разложило свои подношения по всему берегу, как кот, который старается подлизаться к хозяину.

Лоуни всегда служил мусорной свалкой для всего севера, так что с морскими водорослями здесь перемешивались старые башмаки и бутылки, ящики из-под молока и автомобильные покрышки. Однако все это уйдет, когда следующий высокий прилив исполинским скребком пройдет по берегу и затянет весь этот хлам в гигантскую барахолку моря.

Мы с трудом – о чем мне не вспоминалось с прошлого раза, когда мы приходили сюда, – вскарабкались на крышу дота и встали по обе стороны дыры на крыше. Внутри пол был покрыт толстым слоем песка. В темноте виднелись лужи морской воды.

Хэнни спрыгнул первым и держал меня за пояс, пока я спускался через дыру внутрь. Кто-то побывал здесь – очевидно, тот, кто распылил краску снаружи. Пахло мочой и обгоревшими спичками. В одном из углов валялся мусор: жестянки из-под пива и обертки от чипсов. Но, несмотря на это, само сооружение оставалось таким же, как тогда, когда его только построили. Здесь не было никаких взрывов, и до тех пор, пока мы не заявили, что этот

дот наш, вряд ли его кто-то занимал. Немецкие части прошли через Лоуни дальше, к Клайду. И конечно, Третий рейх не появился здесь с целью напоследок разграбить Ирландское море.

Нам пришлось пробить дыру в крыше, чтобы проникнуть внутрь, поскольку дюны засыпали дальнюю стену, где была дверь, и стена, ориентированная на море, начала обнажать свою ржавую структуру, но сам дот по-прежнему выглядел так, словно собирался стоять тут вечно.

Мы зачерпывали песок руками и отбрасывали его к стенам. Хэнни работал как автомат, кидая полные горсти песка назад между ног и поглядывая на часы, чтобы знать, сколько у него это занимает времени.

Как только освободилось место, Хэнни открыл ранец, вытащил крыс и аккуратно расставил их на полу, а напротив поместил игрушечных солдатиков.

Я снял винтовку с плеча и установил ее так, чтобы она проходила сквозь бойницу. Далее мне необходимо было настроить глаз на видоискатель. Чтобы получить нужную картинку, требовалось время – несколько секунд я видел увеличенными только собственные ресницы, но когда я наконец поймал море, оно явилось мне – четкое и безмолвное.

Горизонт, по сравнению с тем, каким я видел его невооруженным глазом с вершин дюн, придвинулся ближе, и его заменил другой, гораздо более далекий. Лодка с белым парусом, ранее невидимая, теперь медленно проплывала у меня перед глазами, поднимаясь и опускаясь, то и дело опережаемая суетливыми крачками и чайками. Это был другой мир, и никто, кроме меня, не мог его увидеть.

Я воображал себя капитаном морского судна, высматривающим немецкие подводные лодки, или стрелком-одиночкой, обороняющим побережье.

Подобные игры были возможны только в Лоуни. Лондон трудно вообразить местом пребывания «Коммандо».

Правда, я уничтожил там сторожа – на самом-то деле он был то одним видным офицером гестапо, то другим – несколько раз, затаившись в секретном укрытии на огромном дубе рядом с теннисными кортами в парке, а на грядках в саду закопал мину, ступив на которую Мать взлетела на воздух, тем не менее и парк, и наш сад были уж слишком ухоженные и чистенькие.

Кладбище в Годдерс-Грин с его плоскими белыми надгробиями, пожалуй, могло сойти за ландшафт после бомбежки или претендовать на то, чтобы сделаться более или менее приличным, взорванным в результате воздушного налета городишком, но у зрителя кладбища была собака, предположительно больная бешенством, и в любом случае я мог играть там только по субботам, когда евреям ничего не разрешается делать, даже посещать умерших.

Лоуни же можно было, не особенно напрягаясь, представить островом Иводзима, Арнемом или Эль-Аламейном. Дот запросто превращался в камеру лагеря для немецких военнопленных, взятый нами голыми руками путем щелканья по стоп-кадрам, где были сняты вопящие *Achtung!* немцы. Или он становился секретным убежищем в джунглях, откуда мы следили за шеренгой японцев. У них был кроличий прикус, и они с трудом пробирались сквозь тростник и колючки. Мы вспороли их пулеметной очередью, прежде чем японцы успели глазом моргнуть. Япошки жестокие и коварные, а перед смертью визжат, как девчонки. Они всегда были слабее, чем фрицы, а фрицы всегда были более спесивыми, чем британцы, которые, естественно, всегда побеждали...

– Готово, – сказал я, и Хэнни, согнувшись, взял винтовку, приспособив хватку и щурясь в видоискатель.

Я переместился к соседней бойнице и оттуда наблюдал за бесчисленным множеством птиц, суетящихся в приливной волне. Они шарили в морской пене в поисках чего-то нужного

им, что тащила за собой наступающая вода, или устремлялись на сушу к болотам – кормить птенцов.

Стая чаек опустилась на песок и тут же устроила драку за какую-то мертвечину. Птицы вырывали куски шерсти и кожи, более ловкие удирали с порциями побольше – комком потрохов, костью...

Усилившийся рокот моря, бьющегося о скалы рядом с ними, напугал их, и чайки с хриплыми криками все вместе снялись с песка. Все, кроме одной. Крупная чайка билась на песке, пытаясь выбраться из наступающей воды. Она махала одним крылом в воздухе, в то время как другое неподвижно торчало сбоку под углом. Оно было сломано во время драки.

Чайка вскрикнула, ткнулась клювом в песок около своей лапы, после чего возобновила свой странный танец, подпрыгнув один, два, три раза, отрываясь от земли и снова падая в песок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.